

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

Юлиан

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

РЖАНАЯ ПЕСНЯ

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 3. Ржаная песня**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 3. Ржаная песня /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-852-5

В третий том собрания сочинений Василия Пескова, известного журналиста «Комсомольской правды», писателя и телеведущего, вошли не только его рассказы о природе, но и репортажи о первых космонавтах нашей страны. И среди них – о первой в мире женщине-космонавте Валентине Терешковой. Здесь же вы прочтете начало увлекательного рассказа из командировки Василия Михайловича в Антарктиду, тогда мало кто из репортеров мог побывать в такой поездке к Южному полюсу планеты.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-852-5

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1962	8
Сказка	8
Встречи на плотине	10
Две минуты молчания	10
Семейный портрет	11
Семен ищет счастья	12
Азбука	15
В стороне от лыжни	17
Африка в объективе	20
Кто съедает чехлы от биноклей?	20
Архитекторы	20
Леопард на приколе	20
Наследство	22
Биография аспиранта	24
Стыдно, Петро!	26
Наш Гагарин	28
Эрбар и Гранка	30
Наш корреспондент	33
Мещерское половодье	36
«Моя река, мои журавли...»	36
Заячьи острова	41
К нам прилетают птицы...	45
Сувенир из Ростова	49
Знаки на камне	53
Новелла о Кубе	57
Сержант на посту	59
«Я не еду в Донбасс...»	62
Звоните – 02!	64
Еще три слова о службе	66
Случай в Карловке	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Василий Песков
Полное собрание сочинений.
Том 3. Ржаная песня. 1962–1963

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Можно научить человека черчению, можно научить его обращаться со станком, со счетной машиной, можно научить его варить сталь, управлять комбайном и даже ракетой. Но если человек ничему в жизни не удивляется – этот человек бескрылый, неинтересный».
В. Песков

Предисловие

Интересно, что самое первое воспоминание Василия Михайловича Пескова было именно про природу, о которой он потом прекрасно нам рассказывал столько лет подряд! Даже не лет, а десятилетий.

В одной из книг о нем я прочитал: «Однажды Василий Песков спросил у мамы: «Когда это было – я сижу на соломе, на небе луна, а за полем – огни. Кусают меня комары. Ты и отец носите снопы... Потом едем. Луна мне нравится. На возу меня опять кусают комары, а я хочу спать... Когда это было?» Татьяна Павловна вспомнила: «Это когда мы от земли отказались, и отец пошел работать на железную дорогу. Значит, тебе было два года». Это самое важно, что осталось в памяти...»

То есть помнил он себя с двух лет, и не просто себя, а эти снопы, дорогу, комаров и эту луну.

Это осталось на всю жизнь – замечать детали всего, что окружало Пескова.

Интересно, что если Василия Михайловича о чем-то спрашивали, например о сороках (было дело!), он отвечал ужасно подробно и точно. И выходило, например, что сорока вовсе не воронка, что эти птицы почти ничего в гнезда не таскают, колея не крадут, что они иногда бывают поумнее ворон. Попутно рассказывал пару историй из жизни сорок, с деталями, которые приметить нам бы и в голову не пришло. И сказка о «Сороке-воронке» распадалась на глаза, зато появлялась новая история, покруче сказки. И так со всем.

Зачем я это говорю? А затем, что заметки Пескова интересны именно тем, что он даже в самое официальное время интересовался совсем не официальным. Если писал про космонавтов – то обязательно ехал выяснять, как они в детстве жили, как живут сейчас их отец и мать, как сельчане, соседями которых они были.

Если отправлялся в командировку в Антарктиду, то почему-то присылал оттуда не парадные репортажи, а, например, рассказ о том, как читают на макушке земли письма с материка, доставляемые редкими самолетами.

Даже в «Комсомолке» начала шестидесятых прошлого века это выделяло его. Если полистать газету того времени, будет интересное чувство. Все фотографии – со счастливыми людьми, все призывы – таковы, что вот-вот коммунизм наступит. Речи Никиты Сергеевича Хрущева – просто бесконечны. Страну несло в каком-то невероятном потоке возрождения после Сталина и войны. Куба и Фидель, Карибский кризис, едва не обернувшийся войной, новые ГЭС в Сибири, кукуруза как царица полей!..

Песков почти не писал уже про стройки коммунизма. Ему было это неинтересно. Он опять ушел к той земле, на которой росли эти люди, поднимавшие страну и поднявшиеся в космос.

Забавно: прочитав десятки его статей, я практически не нашел каких-то литых цитат, которыми так богаты соседние заметки на пожелтевших страницах «Комсомолки», там просто какой-то вечный бой.

А Пескову дорожке было то самое поле из детства – снопы, комары и луна, которая ему, двухлетнему, так понравилась.

Луна, под которой жили люди, которые так его интересовали, которых он любил такими, какими они были. Без пафоса.

Андрей Дятлов,

заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1962

Сказка

Фотонovelла

– «Посеял дед репку. Выросла репка большая-пребольшая...»

Шуршат страницы. Катя сидит – не дышит. Колька читает. Катя и Колька – мои соседи в коммунальной квартире. В школу они не ходят. Но Колька уже научился читать. Каждую новую книжку Колька бежит показать Кате. В коридоре, у круглой табуретки от пианино, ребяташки садятся, Колька читает. Когда закрывает последний лист, Катя просит:

– Прочти еще раз...

Под Новый год все соседи купили по книжке и положили на круглую табуретку – будто бы Дед Мороз приходил...

И вот Колька читает:

– «Позвала кошка мышку. Мышка – за кошку, кошка – за Жучку, Жучка – за внучку...

Дедка – за репку. Вытянули репку!»

Катя хлопает в ладоши:

– Вытянули, вытянули! – Потом она спрашивает: – А мышка – самая сильная?

– Что ты! Мышка маленькая. Помнишь, бабушкин кот поймал? Она – с палец... Это же сказка, – не хочет терять авторитета Колька.

– А почему ж не могли без мышки?

Колька трет нос и призывает на помощь:

– Дядя Вася! А что мышь – самая сильная?

– Нет, Коля, мышка маленькая, с палец...

– Почему же не могли без мышки?

– А ты сам догадайся.

Целый день Колька ходит озабоченный. Делает попытку у бабушки выманить тайну. Бабушка непреклонна...

Вечером я сижу у лампы, работаю. Открывается дверь. В щелку вижу торжествующий Колькин нос.

– Дядя Вася... Дядя Вася, я догадался. Репку сообща тянуть надо! Все понемногу – да?..

Глажу шершавые Колькины волосы. Достая с полки еще одну книжку.

Счастливый мальчишка прижимает к животу подарок, пятится к двери.

В щелку из коридора падает свет. Слышу бабушкин голос:

– Дяде не надо мешать, дядя работает...

Потом Колькин шепот:

– Никакой тайны нету...

Фото автора. 20 января 1962 г.

Встречи на плотине

Огромный пароход стал поперек реки. Нос на одном берегу, корма – на другом. Застывшее море воды, белые брызги возле борта, море огней. На фантастический пароход, загордивший реку, похожа плотина, если вечером забраться на берег и глянуть сверху на Ангару. Все на плотине измеряется многозначными цифрами. Тысячи тонн железа и стали, миллионы кубометров бетона и камня. Точные машины, сотни километров электрических линий. Более восьмисот заводов поставляют на стройку материалы и оборудование. Люди с разных концов страны возводят плотину на Ангаре. В этих заметках из записной книжки – встречи одного дня на стройке у Братска.

Две минуты молчания

Из «Комсомолки»? Тогда вы непременно должны увидеть Ждановича.

Жданович двадцать восемь часов не уходил с плотины и сегодня попросил выходной. За ним послали машину.

– Хорошо, приеду, – сказал в телефонную трубку простуженный голос. – Встретимся ровно в час на монтажной площадке.

Мы увлеклись фотографированием, и пока добрались в условное место, было четверть второго.

– Ждановича видели?

– Да, был и ушел.

Мать честная! Где же теперь разыщешь? Плотина все равно что город: улицы, переулки, хозяйственные дворы и склады, потоки машин, сотни занятых, торопливых людей.

– Товарищ Кравчук, подойдите к диспетчеру! Повторяю... – звучно, как на вокзале, сказал в репродукторе девичий голос.

Ага, есть выход! Позвоним, пусть объявят по радио. Бежим к телефону. Телефон в самом низу, в бетонном теле плотины. Проскочили две лестницы, два узких и гулких коридора, и вдруг гаснет свет. Бетонные казематы сразу превратились в пещеру. Полная темнота – открывай и заряжай пленку. Растерявшись, щупаем руками шершавую стенку. Стрелки ручных часов неумолимо считают фосфорные цифры. «Теперь уж и по радио поздно...» Шаги.

– Товарищ! Помогите. Нам к телефону...

Чиркает спичка. Высокий человек весело говорит: «Заблудились?» И, спичками освещающая дорогу, ведет по «пещере»...

Набираем 09... Занято.

Полная темнота. Только спички помогают без ошибки крутить телефонное колесо... Опять занято. Чертыхаемся. Человек терпеливо ищет в кармане вторую коробку. Наконец-то есть номер...

– Девушка, это корреспонденты. Объявите, пожалуйста: «Товарищ Жданович, вас ожидают...»

Не успеваем договорить.

– Ха-ха-ха!.. Ну и умора. Бывает же... Ха-ха-ха! Ох... Ведь это я...

Секунду обалдело глядим на провожатого, потом сами хохочем.

В потемках с помощью спичек поднимаемся наверх, садимся на эстакаде в том месте, где Ангара гудит и швыряет по ветру белую гриву.

У Ждановича прозвище: Цыган. Волосы у него светлые, глаза тоже не черные, но мы не спрашиваем, за что это прозвище. Жданович монтажник, а каждый монтажник – цыган. Это мы на Волге еще узнали.

Монтажник не знает костров и палаток. Он приезжает к уже побежденной реке. Дело монтажника – ставить рабочие агрегаты. Громадные, ростом в два этажа, они будут крутиться напором воды, в них будет рождаться ток, ради них возводят плотину. Одним словом, монтажник – лицо почетное.

Монтажник не знает костров и палаток, но нет у монтажника и прочного дома. Закрутилась машина – Михаил и жена его Иза кладут в чемоданы пожитки. К новой плотине! Потому и зовут их, светловолосых, цыганами...

– Вы вот спросите, из какой реки с женой мы воду не пили? – Жданович катает комочки снега и сбивает сосульки на эстакаде. – Первую кружку пили на реке Свислочи, на родине в Белоруссии. Маленькую станцию строил. Потом река Онда в Карелии – побольше плотина. Потом Днестр, Теребля в Закарпатье, потом Иртыш, Уфа-река. Потом в Ангаре под Иркутском черпали воду. Теперь Братск. Под осень летал собирать агрегаты на Бухтарминскую, на Усть-Каменогорской работал... Везде вода не горька...

Потом мы опять говорим о тонкостях и трудностях работы монтажников, о мере ответственности. Жданович хлопает варезкой по сосулькам:

– Да нет, все это обычно, известно. Если уж написать хотите, так напишите о двух минутах... Перебираешь жизнь: как лампочки, загораются в памяти эти минуты...

Агрегат собран. Говор, переключка. Спешка последних доделок. Наконец все готово. Поднимают заслонку. Море бьет по лопаткам турбины, и в зале наступает молчание. Молчит конструктор. Молчит профессор, приехавший сделать какие-то сложные измерения. Молчат инженер и рабочий из Ленинграда – они строили эту махину. Молчит начальник стройки. Молчат журналисты. И вся огромная стройка, кажется, чуть притихает... Две минуты молчания. Чуть вздрагивает пол под ногами. От машины к приборам со стрелками тянутся стержни и провода. Как человека на космическом старте, проверяют здоровье машины. Две минуты молчания. Только стрелки подрагивают. Если какой-нибудь чуткий прибор считал бы в эти минуты удары сердца – было бы видно: больше всех взволнован Жданович. Он вытирает паклей руки. Эти руки нашли место каждому винтику, каждой заклепке. Эти руки венчали две тысячи рук. Две минуты кажутся вечностью... А потом – шапки под потолок, говор. Все в порядке! У всех праздник. Две минуты старят и молодят человека. Машина в работе, гудит машина. Значит, человеку надо собирать чемоданы. К новой плотине! Пить воду из новой реки...

Семейный портрет

Мамалыгин Роман. Мамалыгина Валя. На почетной доске два портрета висели в соседстве.

– Брат и сестра?

– Муж и жена. Оба сварщики...

Среди одетых, как марсиане, сварщиков мы отыскали наконец мужа с женой.

Сварщики погасили огни, улыбнулись:

– Да, Мамалыгины...

Он приехал на стройку из армии. Она работала в Новосибирске. Встретились в клубе, на сцене. Ставились танцы «Юла» и «Лотос».

На первом концерте объявили: «Выступают Роман Мамалыгин и Валя...» На втором концерте объявили: «Выступают муж и жена Мамалыгины». С тех пор – всюду рядом. Рядом на работе, рядом на сцене, рядом в кино, рядом в гостях, рядом дома, рядом на почетной доске.

Семейный портрет: Мамалыгина Валя и Мамалыгин Роман.

У нее был седьмой, самый высокий разряд сварщицы. У него никакого разряда, никакой специальности – он дробил камни у створа плотины.

– Становись-ка, Роман, буду учить...

«Что Роман недоварит – доварит жена», – шутили на стройке. А им хоть бы что. Веселые, дружные. Может быть, один только раз и поспорили, когда искали имя для сына. Сейчас так говорят на стройке: «Что жена недоварит – доварит Роман». Из этого нетрудно выводы сделать: Роман неплохим учеником оказался...

– Как же сфотографировать вас? – спросили супругов.

– Как-нибудь, по-семейному, – улыбнулся Роман.

– Повеселее, – сказала жена.

Мы сели в машину, а Роман и Валя, опустив марсианские шлемы, принялись за свои огненные дела.

Дорога от плотины долго петляет по склонам. Мы раза три останавливались и без труда среди моря огней находили два голубых огонька.

– Они?

– Они.

Семен ищет счастья

Семен показывал стройку. Он говорил тоном хорошего хозяина, который знает, что где лежит, что сделано в хозяйстве, что надо сделать, знает, кого хвалить, кого ругать. Про людей на стройке он так сказал: «А что ездить! У нас любого бери, приглядывайся, расспрашивай и пиши. Любой годится...»

– Хорошо. Первого встречного и возьмем. Ты вот, к примеру?..

Семен подумал: «Не-е, я не гожусь. Какой я герой – вожу начальство. Да и вообще...»

У матери шестеро сыновей: Иван, Михаил, Стефан, Николай, Петр и Семен. Пятеро братьев землю пахут на Львовщине, а Семен не захотел остаться в тихой деревне Швирц. Поплакала мать, покачали головами пятеро братьев. Однако испекли пирогов на дорогу, в котомку насыпали яблок, и поехал Семен в Донбасс счастья искать.

Работал каменщиком, потом полковым (есть под землею такая должность. Полковой несет дежурство на дощатом полке в шахтном колодце). Потом спустился Семен в самый низ, к угольку. Вылезал на солнце чумазый, и даже на конвертах домой случались угольные отпечатки от пальцев. Вздыхала мать, качали головами братья и звали домой, на землю. А Семену шахта понравилась, и даже прославился Семен Бигуняк на донецкой земле. Большую премию получил, грамоты, благодарности от начальства.

Однажды в праздник случилась авария: сцепились канаты, застряла бадья. А внизу человек, новичок на шахте, дежурил, сидел на том самом полке. Пока били тревогу, пока вызывали спасателей – Семен схватил рукавицы и по канату, как в цирке, вниз. Триста шестьдесят метров скользил. Деревянный полок опрокинулся. В нише ствола сидел чудом спасшийся и перепуганный насмерть шахтер. Семен выпростал бадью, поставил сигнализацию. Приехали спасатели, а Семен с новичком уже наверху. Докладывает: так, мол, и так, все в порядке...

Отслужил Семен в армии. Научился шоферскому делу. Братья звали на Львовщину, а он опять на шахту подался.

– Семен вернулся!.. – Друзья хлопали ручищами по спине, оставляли на гимнастерке черные отпечатки.

Семен почувствовал себя взрослым, нужным на земле, сильным и счастливым. А одному со счастьем что делать?!

Ее звали Зоя, счастье вдвое выросло. Но потом Зоя загрустила по матери («Поедем, да поедем к нам в Белоруссию...»). Вдохнул Семен и поехал.

Устроили шахтера шофером к Зоину дядьке на базу. («Пусть повесят меня, чтоб стал я теперь работать на базах...») Не получилась шоферская служба. На новую перешел. И тут дома всякое началось. («Сначала с тещей схлестнулись, а потом и Зойка на меня повернулась: не хозяин, мол, не болееешь об доме».)

Оглянулся Семен – а счастья как не бывало. И как возвращать его – неизвестно. Вот тут и сказал Семен: «Видишь, Зоя, кружок на карте? Это Братск. Люди новую жизнь строят... Поедешь?» Теща плакала. Дядя замкнул свою базу, пришел отговаривать, но, поглядев на Семена, сказал: «Я и раньше определял – беспутный». А Семен в тот день почувал, что счастье не умерло. И вот уже год крутит Семен баранку на Ангаре. («Работа не шибко по мне, но покамест мирюсь. Домашним делом был сильно занят...»)

На стройке туго с жильем. Чтобы не удлинять очередь («...есть такие, что с пацанами ждут...»), решил Семен сама себе «сладить» времянку. От пола до трубы сам и «сладил»...

Когда в последний день мы проезжали к аэродрому, в аккуратном игрушечном домике горел огонек.

– Зоя с работы вернулась, – сказал Семен и дал газу.

– Спесишь?

– Так ведь ждет!..

На Братском аэродроме мы распрощались.

– Ну, пишите, пишите, только чтоб, как это говорится... И про меня?.. Да вы что!.. Про счастье? Гм... Как же про это напишешь... Ну, всего! – Семен сел в машину и дал такого газу, что снежная пыль долго кружилась по дороге к плотине...

Фото В. Пескова. А. Глазов, В. Песков. Братск. 30 января 1962 г.

Азбука

Фотоновелла

Африка. Сомали. Экватор. Город Могадишо.

В центре города – новый отель с вывеской «Леопард». Два стройных высоких парня схватили чемоданы и понесли. У конторки портье они вдруг уронили поклажу:

– Русские?!

В «Леопарде» жили американцы, французы, итальянцы, бельгийцы. Двое русских были первыми русскими.

Вечером в комнату к нам постучались. Те же два парня, робко присев на стулья, расспрашивали, а мы отвечали... Под конец разговора парни достали тетрадки:

– Напишите русские буквы...

Для нас это был первый случай после первого класса, когда мы старательно выводили русский алфавит. Потом слова: ма-ма, Мос-ква, спут-ник, Аф-ри-ка...

Мы поздно возвращались в отель – было много работы. Город спал. Слышен был шум океана, шелестели листьями пальмы, на последнем сеансе в открытом кинотеатре ковбои убивали друг друга из ружей и пистолетов. «Леопард» тоже спал. На темных окнах сверкали блики африканской луны. Дремал портье у конторки. Мы тихо поднимались к верхнему этажу и каждую ночь видели одну и ту же картину: освещенная дверь, два силуэта с тетрадками.

– А, б, в, г, д...

– Мос-ква.

– Спут-ник...

– А как по-вашему будет «мистер»?

Потом мы уехали за экватор. Вернулись пыльные и усталые. Остановились опять в «Леопарде».

Утром постучались два стройных парня.

– Есть подарок для вас, – говорят они по-английски. Потом берутся за руки и, как школьники возле елки, декламируют хором по-русски: «Доб-рый ут-ро, то-ва-ри-щи!...»

Фото автора. 3 февраля 1962 г.

В стороне от лыжни

Лыжню будто маслом потеряли – лоснится на солнце. По ней прошла уже сотня людей. Крики и смех – веселая лыжня! Но если вы охотник за лесными загадками, если по душе вам лесные встречи – не идите проторенной лыжней. Сверните в сторону – лес любит осторожных и нешумливых.

Остановитесь-ка на минутку. Чей это след?.. Заяц – самый старательный «грамотей». Лесная белая книга хранит запись ночных походов косоного: поглотил осинку, потом на лесную дорогу свернул – пожевал потерянный с воза клочок сена, на опушке присел, испугался чего-то... Не зря испугался. Под старой ветлою настигли зайца белые в крапинку крылья – вот перышко на снегу. Заяц упал на спину и стал защищаться. Скажите теперь, что заяц труслив! Отчаянно защищался косою, бил задними лапами. Но одолела его разбойница с крыльями в крапинку. Она прилетела с дальнего севера. Зовут ее: Полярная Сова. Остались от зайца кровь на снегу, лапки да уши.

Следы, следы. Ровная строчка лисьих следов. Куница прыгала с елки на елку, роняла на снег кору, комочки снега. Следы на снегу, как красивое обещание. Идешь и ждешь. А они все дразнят, манят. И только терпеливым дается в руки обещанное... Стоп. Что-то мелькнуло... Белка забавно скачет по веткам, замирает, наклоняет голову вниз и – прыг, зарывается в снег. Вот пепельная шуба опять наверху. Острые зубы грызут орех. Как угадала белка, что именно в этом месте под снежной периной спрятан орех? Загадка. Вы не знаете отгадки, и я не знаю. И даже ученый, пожалуй, не скажет...

Тишина-а... Один только дятел работает. На сосне у него – наковальня. Выдолбит шишку, бросит. На снегу у ствола – темный круг от брошенных шишек. С неба падают шестигранные звезды. Звезды рождаются из ничего, из мороза в голубом небе. Падает легкий, отборный снег. Его называют пороша. Правда, ведь очень хорошее и очень древнее слово – пороша.

Фрр!.. Фр-рр!.. – Черные и серые птицы прямо из-под лыж рвутся. Фу... Это же тетерева. Вечером они прямо с березы бултыхнулись в мягкий снег. Под снегом и ночевали. Надо было зорче глядеть. Издали можно заметить лунки в снегу. А теперь по две лунки над каждой тетеревиной постелью – вход и выход. Если кто-нибудь по нашему следу пойдет, скажет: ого, косачей распугали... Одним словом, нам повезло.

К вечеру мороз смягчился. Порошу сменили лохматые хлопья снега. Кружатся, засыпают следы. Снег похоронит, предаст забвенью лесные повести и загадки. Не печальтесь. Ночью жители леса напишут для вас новую книгу. Была бы охота читать.

* * *

Волк. Герой сказок, былей и небылиц. Многие убеждены, что встреча с ним очень опасна. Напрасные страхи. Нет зверя трусливей. Даже воробей защищает своих птенцов. Но подойдите к логову волка – волчица убежит, бросив детей на произвол судьбы. Рассказы о нападении волков можно считать вымыслом. Однако я испугался, когда на поляну в лесу выскочил этот красавец. Щелчок аппарата. Волк повернул лобастую голову...

Два желтых глаза, огромный клюв, белая в крапинах шуба – редкой красоты птица! Встреча с нею – праздник для всех, кто любит природу. Зато смертельно не любят эту красавицу зайцы и куропатки, вся лесная мелкота, как огня, боится острых когтей. Никому не дает пощады полярная гостья: ни зверю, ни рыбе, ни птице...

С весенним теплом полярная птица покинет наши края. Ее родина – тундра.

– Лобан, назад! – Из ельника вышел человек с поводком. Волк покорно подставил шею.

Человека зовут Георгий Георгиевич Шубин. В лесу под Владимиром он тренирует волка, которому предстоит сниматься в кино...

К радости овцеводов и к печали охотников, волков становится все меньше и меньше. В подмосковных лесах осталось, как говорят, шесть или семь неуловимых разбойников. Они познали все хитрости человека: заборы из кумача, капканы, яды и меткие ружья. За три версты обходят людей серые братья...

Фото автора. 18 февраля 1962 г.

Африка в объективе

Кто съедает чехлы от биноклей?

Африканская степь не богата людьми. Не увидишь в степи построек из камня. И вдруг между редких деревьев мелькает причудливый замок. Дрожащие струйки марева и пыль под копытами испуганных антилоп мешают определить размеры сооружения. Подъезжаем... Термиты! Пятиметровой высоты башни с ходами сообщения построили насекомые – родственники муравьев. Строительный материал – красноватая глина. Втроем забрались наверх постройки – вооружение не дрогнуло. Строители, понятное дело, и грамма цемента под рукой не имели. Откуда же прочность? Цемент, оказывается, вполне заменяет слюна, которую выделяет строитель – термит.

Крошечную козявку-термита днем нечасто увидишь. Зато ночью они идут на охоту целыми полчищами. Колонии насекомых не шибко приятное соседство для человека. Небрежно оставил бинокль – за ночь чехла не будет. Съедают. Рассказывают об одном арабе, который спать лег одетым, а утром проснулся Адам-Адамом – съели одежду. Съедают мебель, рамы картин, потолочные перекрытия, кое-где в Африке, спасая от термитов, ножки столов ставят в сосуды с водой.

Архитекторы

Еще два слова об африканских строителях.

Берется ветка. На самом тонком конце (чтобы не забрались разбойники-обезьяны) крепится остов из жестких травинок. Потом берутся травинки помягче, и началось... В конце работы получается не то мешочек, не то дамская сумочка, не то рукавичка.

Птицу, хозяина домика, зовут ткачкой.

Леопард на приколе

Всю ночь нам плохо спалось. Одолевали москиты. Над походной кроватью была опущена частая сетка. Но во сне раздетый человек то и дело касается сетки, и тогда проклятые насекомые огнем обжигают. Сна не было.

Поэтому всю ночь мы слушали звериный концерт. За линией сторожевых фонарей слышалось то рычание, то вкрадчивое мяуканье.

– Леопард... – сказал проводник.

Кто же не знает кровожадного, хитрого и осторожного хищника... Словом, не до сна было. Только проводник, примирившись с москитами, добавлял к звукам тревожной ночи беззаботный здоровый храп.

Утром мы спросили о леопарде.

– А-а... – сказал проводник и повел нас к хижине охотника-сомалийца. – Вот он...

Удивительное зрелище! Обрывок веревки держал пятнистого зверя у дерева. Леопард мирно проводил нас глазами и принялся глотать кость.

– Ручной, ручной... – закивал сомалиец-охотник.

Выяснилось: гепард, разновидность леопарда, чрезвычайно легко приручается. Пойманный взрослым, через полгода он уже не только берет пищу из рук, но и помогает хозяину на охоте. Его сажают на повозку, и он терпеливо сидит, пока повозка подбирается к стаду пасущихся антилоп. По условному знаку гепард неслышно соскакивает, как кошка, приги-

баясь к земле, крадется. Потом стремительный бег. (Среди млекопитающих гепард – самый резвый бегун на коротких дистанциях.) Удар лапы. Рычание... Однако хозяину гепард позволяет отнять добычу и посадить себя на веревку.

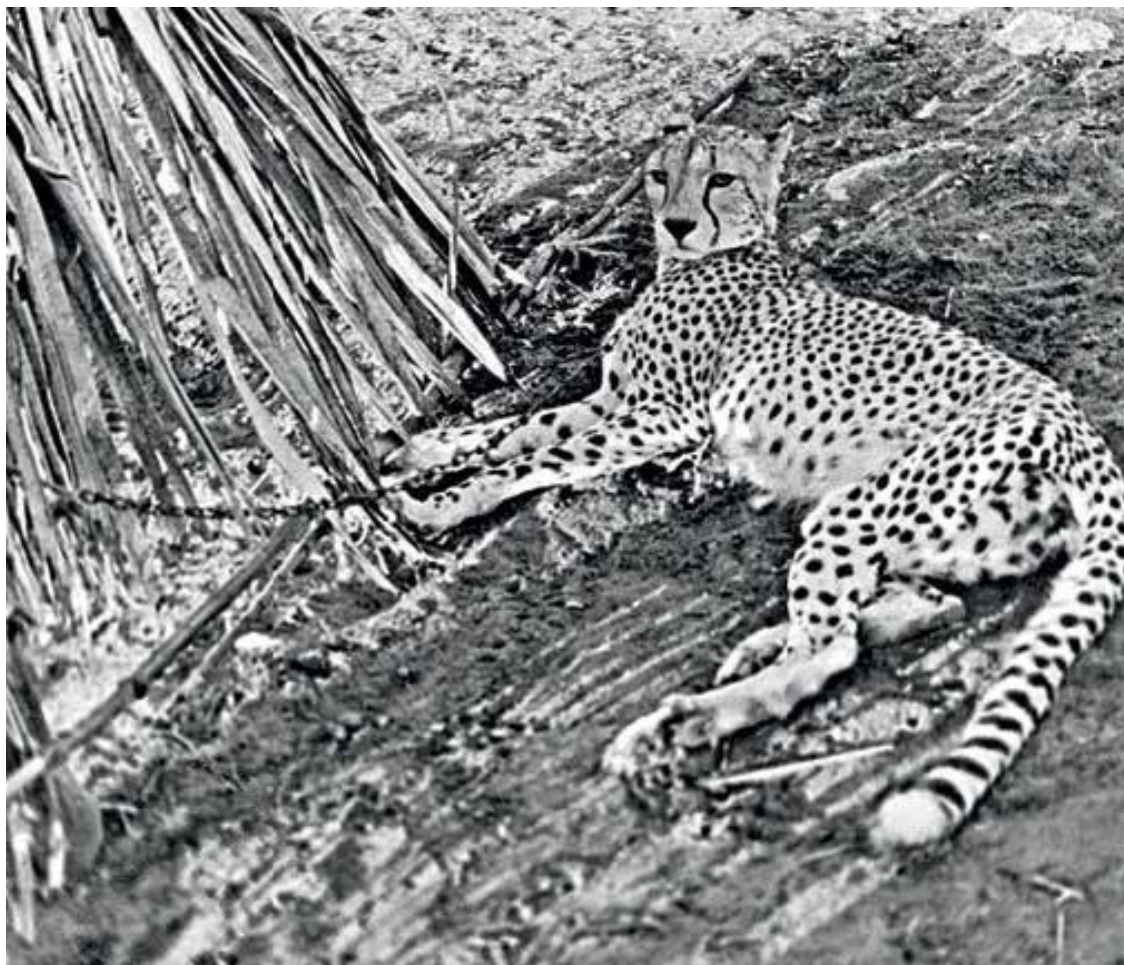

Фото автора. 17 марта 1962 г.

Наследство

Яблоне семь лет. Она пустила корни в чернозем у оврага в тот самый год, когда умер старик. Всю жизнь старик бродил с топором и пилой – строил людям дома. Своего дома не имел человек. Умирать к внукам приехал. На бревнах возле завалинки положили фуфайку – пусть на солнце греется дед. А он не хотел сиднем сидеть. Сухие, как палки, руки уже не слушались, зато ноги, даже летом обутые в валенки, не знали покоя. Каждый день уходил старик в лес, приносил пучок палок. Из палок выросла загородка у дома. Загородка смешной, неровной гребенкой сбегала к оврагу. Проезжие улыбались:

– Умирать скоро, дед!..

– Умирать собирайся, а рожь сей...

Под осень слег старик. И только в самые теплые дни на бревнах, где лежала фуфайка, видели его сухую фигуру.

Перед смертью внуки решили позвать попа («все-таки старый человек...»). Поп недолго пробыл. Вышел из хаты рассерженный: «Нечестивый... Бога нет! Это на смертном-то одре...».

А дед попросил вывести его на порог. Летела белая паутина. Вокруг солнца сплелось решето из тонких серебряных ниток. Невидимый самолет оставил на небе светлую борозду. Старик глядел кверху, пока не заслезились глаза. Вздохнул, улыбнулся. Потом велел принести лопату. В конце картофельной грядки на огороде долго рыл неглубокую яму. На дне оврага, в лопухах велел отыскать припасенный ранее саженец: «Ну вот... Это на память, что жил. А вам бы при жизни надо иметь. Земля тут в самый раз. Добудьте антоновку, побольше антоновки. А там, в уголке, у оврага хорошо бы черемуху. Обязательно. Не одной картошкой сыт человек». Через три дня умер старик.

Семь лет прошло. Чуть покосился к оврагу забор из палок. Выросла яблоня. Зимой огород засыпают белые звезды снега. Наливными яблоками висят на ветках тяжелые снегири. Придет весна, беззаботные внуки опять посадят картошку под яблоней. И невдомек им, как сиротливо и скучно стоять дедовской яблоне одной у оврага...

Фото автора. 21 марта 1962 г.

Биография аспиранта

Биография необычная. Родился и рос на Дону. Сенокос, ночное, рыбалка. Патронные позеленевшие гильзы и каски, найденные в балке, были игрушками детства. Десятилетка. Институт иностранных языков. Дорога Анатолия Сенникова, казалось, определилась. И вдруг круто повернула дорога в село. И даже не к Дону, в родную станицу, а в бедное село Каменку на харьковских землях.

Бабы, увидев его, заплакали:

– Так вин же птенчик. Який з него голова?..

Бабьими слезами плакало запущенное хозяйство колхоза. Анатолий должен был стать шестнадцатым после войны председателем. Он стоял, не зная, что людям сказать. Институт языков... Смешно. Комитет комсомола... Там его считали хорошим организатором. Даже очень хорошим. Потому и решили послать.

– Будем работать, – сказал он на сельском сходе...

Он весело улыбался кому-то, постукивая карандашом по столу.

Два года работы. Упорной работы. Он позже всех на селе ложился. Вставал, когда пастух за околицей щелкал кнутом и теплое молоко стучало в днища подойников. Если сейчас заглянуть в счетоводную книгу колхоза, то можно увидеть, как становилось на ноги хозяйство. В два с половиной раза стало больше молока, мяса – в четыре раза. Триста тысяч уток появилось на озере. В графе «трудодни», там, где писался гривенник, стали писать рубли.

Четыре лежащих рядом колхоза превратили в совхоз. Сенников Анатолий стал директором. Хорошим директором. Целый день в поле, на фермах. Изредка уезжал в Харьков сдавать экзамен – в зооветеринарный институт поступил...

– Ко двору пришелся, – говорили в райкоме.

– Золотой человек, – говорили в деревне.

И так уж повелось: тянет человек – значит, еще труднее работу находят. Под Киевом давно стоит совхоз «Яготинский». В этом совхозе гектарами меряют воду. Две тысячи гектаров воды. А где вода, там рыба и утки. Рыба и мясо. Но так уж велось хозяйство, что ни рыбы, ни мяса. Стали искать крепкую руку.

– Сенников... потянет?

– Потянет.

Приехал Анатолий к озерам.

И опять, как в Каменке, – раньше всех на ногах. Поиски молодых помощников, долгие разговоры со стариками, «съевшими собаку на утке». Ночи над книгами, а утром – выбрит, подтянут, приветлив...

Вот что сделано за год. Получал совхоз тысячу триста центнеров утиного мяса – получил в 1961 году девять тысяч восемьсот центнеров. Птичье стадо продолжает расти, оно близится к миллиону...

Вчера я встретился с Анатолием в Киеве, на съезде украинских комсомольцев. У окна стоял молодой парень. Он весело улыбался кому-то, постукивая карандашом по стеклу.

– Это вы директор?

– Это я утиный директор...

Мы присели.

– Секреты успеха? – Анатолий подумал секунду. – Люди! Надо было добиться, чтобы люди поверили в дело. А это нелегкая штука. Это – требовать и не обидеть. Это – не обещать лишнего, а уж если пообещал, выполни. Это – пример в работе. Это – четкость и честность в оплате, это подбор кадров. Это, если хотите, твоя улыбка, твоя подтянутость, ну и знание дела, конечно. Я убежден: многие неполадки в селе от неумения хозяйствовать. Учиться хозяйствовать – это, по-моему, главное для сельских ребят...

– А ваша учеба?

– Я поступил в аспирантуру. Тема все та же: «Разведение уток»... Между прочим, сколько, по-вашему, утка приносит яиц?.. Не знаете. Так вот. В совхозах считают – тридцать – сорок. Наука говорила: восемьдесят, не более! А у нас... Сколько, вы думаете?.. В среднем по сто четыре яйца получаем. Здорово, а?! Тоже без всяких секретов. Продуманный уход, подбор кормов, продленный световой день... Летом к нам приезжайте. Ух, красота. Сплошные озера, камыши и наши белые стаи... Да, может, и в Москве встретимся: меня делегатом большого съезда избрали. Буду ли выступать?.. Посмотрим. Сказать есть кое-что...

Фото автора. 25 марта 1962 г.

Стыдно, Петро!

Узин Киевской области. Секретарю райкома П. Шевченко.

Здравствуйте, Петро. Был в Узине, очень хотел повидать, но не застал – вы уехали в отпуск. Поэтому вынужден написать.

В Узине, в двухстах метрах от райкома, живет семья Поповичей. Глава семьи Роман Порфирьевич почти сорок лет работает кочегаром в вашем поселке. Федосья Касьяновна – его жена. Она вырастила пятерых детей. Это хорошие, сердечные люди. И дети в доме Поповичей выросли людьми настоящими. Но встретится Федосья Касьяновна – в ее добрых глазах вы заметите материнскую грусть. Дело вот в чем.

В сорок девятом году у Поповичей заболела младшая дочь. Полиомиелит. И вот уже тринадцать лет она прикована к постели. Она не может даже сидеть. Окно возле ее кровати постоянно открыто. И можно подивиться, как много жизни успел увидеть любознательный и жизнерадостный человек через это окно. На тумбочке у кровати – стопка книг. В день, когда мы познакомились с Надей, там лежали третий том «Тихого Дона», «Дорога в космос» Гагарина, книга о партизанах, книжка стихов. Я спросил, как она училась читать.

– Подружка ходила...

Подружка – это Надя Шевченко. Вернувшись из школы, она становилась учительницей. Заходила к Поповичам, садилась на низкий стул у кровати и начинала: «ма-ма»... «Шура мо-ет ра-му» – с первых страниц букваря. Потом диктанты, по всем правилам, с отметками. Были «двойки», были «четверки», потом «пятерки» в самодельном журнале. Надя научилась писать и читать. В комнату пришли книги – мир, что виделся за окошком, оказался богатым и интересным. С каждым приходом подружки окошко делалось шире. Но Надя Шевченко, окончив школу, сразу же вышла замуж. И как-то понемногу прекратились уроки. «Горят костры далекие» была последняя песня, которую спели подружки после уроков...

Была у Нади и другая учительница. Она приехала в узинскую школу, молодая, веселая. Едва поставила чемоданы – сразу пошла по дворам знакомиться. В доме Поповичей дольше всех задержалась, а потом приходила в неделю два раза, садилась на скамейку перед кроватью, раскрывала задачник:

– Начнем урок...

И опять мир расцветал новыми красками. Но учительницу Соляник Нину Александровну повысили в должности и послали в другое село. Она присылает письма, спрашивает, что и как. Надя берет карандаш, пишет. Надя пишет, что очень хорошо научилась вышивать. Яркими розами и васильками вышила скатерть, салфетки, подушки. Надя пишет: «Заходят девочки из десятого класса. Играем в лото, в домино, в «дурака». Хохочем. Иногда поем...» Надя стесняется написать, как тихо бывает в комнате, как монотонно стучат часы, как пусто на душе после таких вечеров. Надя берет иголку и вышивает всю ночь. Третья, четвертая, пятая скатерть с алыми розами. Утром в окошко видно, как подружки с портфелями в школу идут...

Вы, Петро, понимаете, почему письмо адресовано вам, в райком комсомола. Вы помните дружескую просьбу старшего брата Нади. Он писал из Москвы: «Надя нуждается в помощи. Она много читает. Но, в общем, образования никакого – три класса, не больше. Это мало для человека... Надя, как и мы с вами, должна знать мир, должна знать, как прекрасна земля, сколько на ней чудес и загадок... Только учеба сделает ее жизнь содержательной. Помоему, это ваше, комсомольское дело. Попросите молодых учителей, ребят-старшеклассников. Моя помощь нужна – напишите. Сделаю все, что могу. Давайте не оставим человека один на один с вышивкой...»

– Да, надо помочь, обязательно поможем... – Это ваши, Петро, слова. Вы сказали их младшему брату Нади, который передавал письмо.

Прошла неделя, другая. Брат снова пришел в райком.

– А, насчет сестры! Сейчас позвоню... Извини, занято... Сделаем, сделаем. Зайди через три дня... – это опять ваши слова, Петро.

Еще неделя.

– Да, да, помню... Я уже говорил. Что, никто не приходит?! Странно. Сейчас я... Понимаешь, никого в школе. Зайди через три дня...

Еще неделя прошла.

– Да, виноват... Сделаем! Зайди денька через три... Да нет, ты не стесняйся, это ж райком...

Младший брат Нади действительно верил в силу райкома, верил в вашу силу, в ваше слово, Петро. Он двенадцать (!) раз приходил. А потом перестал ходить. «Неудобно такое выпрашивать... Иду однажды по улице. Гляжу, секретарь навстречу. Увидел меня и сразу на другую сторону перешел...» Школьник Коля Попович правильно понял: стыдно секретарю. Не умеет слова держать.

Действительно стыдно. Двести метров от райкома до дома, где живет человек, ожидающий помощи. Чего бы проще: вместе с учителем-комсомольцем зайти в этот дом. Один ваш приход доставил бы много радости и Наде, и старой матери, и отцу. В хорошем разговоре все бы и выяснилось: чем помочь, как помочь. Нет ведь: «Зайдите через три дня», телефонные звонки, трескучие обещания. Стыдно! Надо бы, как говорят, «на плаху вести», но вы, Петро, молодой секретарь, и пусть эта невеселая история послужит для вас уроком. А Наде Попович надо помочь, и не «через три дня», а немедленно. Две средние школы в вашем поселке – армия старшеклассников, много молодых педагогов. И оставили человека в беде!

Ждем вестей из района.

1 апреля 1962 г.

Наш Гагарин

Каждая мать хотела бы иметь такого сына. Любая нация, любая страна гордилась бы таким гражданином. Наш Гагарин. Он выросал среди нас. Вместе с нами спешил на работу, сидел на садовых скамейках, вместе с нами купался, собирал цветы. Он был, как все, и потому особенно радостно говорить: НАШ ГАГАРИН.

Мы помним день нашей первой любви. Мы ожидали этого дня. Мы старались представить себе человека, который полетит первым... космос и Человек. Художники рисовали звездного путешественника: почти великан, суровое лицо, холодный пронизывающий взгляд – этаким неземной демон, выросший над людьми. И вдруг такая улыбка, лучистые глаза доброго человека. Сын плотника, недавний комсомолец. Наш! Советский! Разве можно позабыть день, когда мы кидали шапки у репродукторов, когда в рабочих спецовках выбегали на улицы с плакатами: «Ура Гагарину!», «Хочу быть вторым после Юрия!» Плакаты писались за две минуты на газетах, на обрывках бумаги, на белых медицинских халатах: «Нашему Юрке слава!» В считанные минуты планета Земля узнала «нашего Юрку». Всюду зазвучало простое слово ГАГАРИН. А потом мир увидел его улыбку. Земля раскрыла объятия сыну, выдавшему звезды. Мэры городов дарили ему ключи от городских ворот. Английские чопорные лорды и «джентльмены», кичившиеся своей знатностью, почитали за честь пожать руку советскому парню, сыну смоленского плотника. А люди, запрудившие улицы, дарили ему сердце. Простые люди хлопали его по плечу и говорили два русских слова: «Здорово, Юра!» Наши недруги вежливо уступали ему дорогу, пожимали плечами: «Ничего не скажешь – хорош! Русские знали, кого послать, знали, кого выбирать». А нам нетрудно было выбрать Гагарина. Гагарин, Петров, Иванов, Сидоров... Это все мы с вами – простые советские люди. Мы о себе заявили в семнадцатом. Нам надо было много работать. Мы вытирали пот рукавом, и мир не успел разглядеть наше лицо. Недруги рисовали нас – коммунистов – едва ль не с рогами. И вот мир увидел лицо коммуниста, лицо советского человека. Весь мир объяснялся в любви этому человеку. Целый год его лицо, его улыбка, его глаза глядели с обложек журналов, с экранов, плакатов, газетных и книжных страниц. Составители календарей называли минувший год годом Гагарина. И вечно, пока будет крутиться Земля вокруг Солнца, под цифрой 12 в весеннем апреле будет стоять имя: ЮРИЙ ГАГАРИН. И вечно простые люди – пахари, машинисты, врачи, землекопы – будут говорить своим сыновьям: «Земля вертится для простых, рабочих людей. Он вот был сыном простого плотника...» ОН – это Юрий Гагарин, наш с вами ровесник и современник, наша первая космическая любовь.

Фото Б. Смирнова. 12 апреля 1962 г.

Эрбар и Гранка

Бывает – сенсация приходит прямо в редакцию. Вчера утром из дальней командировки вернулся наш корреспондент Павел Михалев. Три недели он провел в Арктике. По старой традиции корреспондент привез подарок газете. Необычный подарок. Открыли ящик, и... сразу перестали скрипеть перья, стучать машинки, полчаса не отзывались редакционные телефоны. Всему виною были два белых медвежонка.

Они совсем не стеснялись, как будто всю жизнь только и делали, что путешествовали по редакциям. Обнюхали столы, забрались на диван, заглянули с шестого этажа на улицу, повалили графин и с удовольствием лакали разлитую воду. Однако больше всего им понравилось сгущенное молоко. Повизгивая, как поросята, медвежата становились на задние лапы и языком ловили сладкую струйку. Если банку прятали, раздавалось рычание, на какое только способны двухмесячные младенцы. Молока было вдоволь, желающих покормить тоже.

Ленька чуть-чуть боится, но сладкое молоко делает Гранку очень миролюбивой...

Насытившись, медвежата стали валяться на старых газетах. Это было самое время узнать биографию мишек.

Родились они в торосах, недалеко от Земли Франца Иосифа. Их мама медведица имела неосторожность поднять лапу на двух полярников. Ученые были вооружены. Медвежата

осиротели и, конечно, погибли бы, потому что были чуть более рукавицы. Забота и сгущенное молоко сделали дело.

На Севере мишкам успели дать имена: Матрешка и Пашка. Но в редакции не согласились: надо что-нибудь наше, газетное. Ну и решили: сестра будет Гранкой, а братец – Эрбаром. Сын летчика Ленка Векслер, приехавший с отцом в редакцию, естественно, спросил: что это значит? Пришлось объяснять. Гранка – это часть печатного набора, а Эрбар – один из красивых газетных шрифтов.

– Ну хорошо назвали, а дальше что?

В самом деле, что? Подарок требует ухода... Дружным голосованием решили: в зоопарк!

Минувшую ночь Эрбар и Гранка впервые провели в обществе четвероногих друзей со всего света. А в мае месяце всех любителей животных милости просим в Московский зоопарк. На площадке молодняка вы увидите наших Эрбара и Гранку.

Фото автора. 15 апреля 1962 г.

Наш корреспондент

В редакцию часто приходят письма: «Хочу писать в вашу газету. Каким должен быть корреспондент?..» Года два назад примерно такое письмо пришло из Чувашии. Писал молодой сборщик Усов Сергей. Ему ответили. Сергей оказался хорошим фотографом. В газете стали появляться снимки с завода электрических аппаратов.

Недавно, приехав в Чувашию, я вспомнил об Усове. Любопытно, а как он работает?

В «сборочном» электроаппаратного завода я попросил мастера познакомить с самым уважаемым человеком в цехе. Мастер сказал: «Задача...», долго стучал ногтем по столу.

– Вон среди халатов – рубашка в клетку... Да, да, светлые волосы.

...Парень поднял приветливые глаза, неторопливо закрутил винт на золотистом приборе и протянул руку:

– Сергей Усов...

Сергей работает калибровщиком. Что это значит? Цех собирает приборы, которые кто-то назвал «сторожами». Любая неисправность на линии – прибор сигнализирует. Ученое название прибора – реле. Без реле сегодня ни пароход, ни самолет, ни спутник, ни даже маленькая электростанция не работают. Электрический «сторож» дает сигналы о пуске, предупреждает аварии, бережет миллионную технику. Без реле невозможны автоматика, телемеханика. Представляете, какую ответственность несет электрический «сторож». А всего-то прибор... умещается на ладони. Правда, ладонь у Сергея широкая.

Сергей калибрует реле, как часовщик, тончайшей отверткой трогает лепестки контактов. Надо так настроить прибор, чтобы срабатывал «секунда в секунду и ни секундою позже». Калибровщиков в цехе немало, но каждый конструктор, прежде чем отдать реле на поток, приходит к Сергею:

– Ну-ка, Сергей Никифорович...

Сергей доводит, регулирует. От дыхания его дрожат золотистые лепестки. Под рукой – инструменты, способные мерить микроны. Но есть что-то тоньше этих мерительных инструментов. Помните, тульские мастера блох подковали. Когда Сергей целится взглядом, старается не дышать у прибора, я вижу со стороны его руки с тонкими длинными пальцами. Наверное, у туляков были такие вот руки...

Но Сергея не только за мастерство уважают. Я много слышал: «всегда поможет...», «веселый...», «принципиальный...», «друг настоящий...» Мне он тоже понравился. Немного застенчивый, чуть-чуть медлительный, с открытым, добрым лицом сердечного человека. Да вот весь он тут, на фотографии, сделанной в цехе у рабочего места, – наш корреспондент Сергей Усов.

Фото автора. Чебоксары. 5 мая 1962 г.

Мещерское половодье

«Моя река, мои журавли...»

Во всем виновата эта книжка. Это она для всех странников, для всех любителей ветра, неба, душистых трав и бездонной воды открыла страну со сказочно древним названием – Мещера. Зимними вечерами, когда в окошко стучится колючий снег, на сон грядущий перелистаешь страницы, и сразу к лампе подступят ветки нагретого ельника, пахнет болотной сыростью. Услышишь вдруг: падают капли с весел, от чавканья сапог по ковровому мху взлетают тетерева. Копны сена, болотные кочки с мелкой дробью созревших ландышей. Луна в реке, разбитая на осколки рыбьим хвостом, черного цвета озера, грибы с «телячьей головой» и крики птиц, названия которых не знаешь. Шуршит снег за окошком. Тушишь лампу и даешь себе честное слово: вот как растает – сразу туда. Это ж не Африка, это же рядом – билет до Рязани, а там с попутным ветром, с попутным грузовиком.

Но так уж случается. Лето за летом. Работа или держит на привязи в городе, или так далеко отсылает – не то что слова мещера, русскую речь не каждый день слышишь. Засыпаешь усталый под южными звездами, под шорох пыльных кожистых листьев и видишь во сне бездонное озеро, заливные луга... И опять даешь себе слово...

* * *

И вот едем. Нас двое. Теплые куртки, сапожищи до пояса. За плечами мешки с едой, блокноты, фотокамеры с длинными объективами. У Бориса походный магнитофон для записи лесных голосов. Билеты у нас до Рязани, а дальше расспросы, как лучше проехать, пройти, а вернее, проплыть, потому что вся земля залита водой и не поймешь, где реки, где озера, где луга заливные – вода, лодки, острова потонувшего леса и треугольники бакенов...

Сидим в столовой на станции Шилово. Улицы потонули. В окошко видно, как в лодке пробираются в школу мальчишки, в лодке старик везет на базар поросенка, соседка к соседке с утюгом и связкой белья плывет в лодке. По пояс в воде изгороди, столбы телефона, яблони.

– Извините, лещ у нас керосином припахивает, – сказала официантка.

Лещ действительно отдавал керосином. Розовый повар объяснял двум колхозникам, отчего лещи в Оке керосином «стали вонять».

– А может, и нельзя, чтоб не было керосину?..

– Не может быть, чтоб нельзя... Это же наше. И закон есть – не поганить...

– Воскресенский завод, говорите?.. Моя воля, директора б одними лещами кормил. Он мне: «Не хочу!» А я ему: «Е-е-ешь!..» Глядишь, посветлела бы вода...

Два рыбака от пристани к столовой в плетеной корзине несут лещей. Лещи трепыхаются, норовят выпрыгнуть из корзины.

– Поди ж ты. Живые, а с керосином...

– Эй там, в столовой! – донеслось с пристани, – закругляйтесь, капитан любит точность!..

– Что же, вся Мещера керосином побрызгана?

– Да нет, что вы, – поддержал наши мешки на скрипучих сходнях парень с берданкой. – Ока – еще не Мещера... Вы капитана порасспросите...

* * *

Капитан сказал: «Я так много видел, ребята, что мне и врать не надо, – он потер рукавом сверкавшую маленьким солнцем бляху на кителе и показал на часы: – Время!»

У капитана якорь и шрам на руке. На лице под кожей – темные точки, какие оставляют уголь и охотничий порох. Капитанские руки крутнули колесо с рукоятками. Качнулся и поплыл в сторону дебаркадер, большие круги пошли по мутному полноводью. Истоиво перекрестилась старуха, у которой в корзине возятся куры, а поверх полушубка, наподобие ленты с патронами, висят бублики на шпагате. Бросил за борт недокурную сигарету чернявый, татарского вида мужчина с пустым рукавом. Он везет запасную часть для трактора и все время подкладывает тряпку, чтоб шестеренка не билась о борт. Палуба завалена грудой почтовых посылок, бидонами, мешками семян, завернутыми в брезент саженцами, разного рода покупками из района. Сельский завмаг, одетый в желтый китайский плащ, везет два мотоцикла и пять детских колясок. На ящике с надписью «не кантовать», как мушкетеры, в резиновых ботфортах, с ружьями и собакой сидят двое охотников. У ног небрежно лежит добыча – тройка серых гусей.

В центре палубы, на груди мешков и корзин, царевной восседает девчонка в новых резиновых сапожках. Девчонке не сидится спокойно. В зеркале отражается то рубка с тем-

ным капитанским лицом, то солнце, то бабка с баранками, то молоденький в скрипящих ремнях милиционер. Милиционер косит глаз в сторону зеркала и, набравшись наконец храбрости, садится рядом с девчонкой. Зеркало успокаивается. Теперь в нем видно воду без берегов, старые ветлы. Старые церкви без крыш и крестов и новые, белого цвета коровники, как в мираже, поднимаются из воды и уходят под воду. На крошечных островах, посреди половодья, стоят аккуратные домики бакенщиков с обязательной цифрой на стене: 450... 463... 475... Из домиков капитану машут платком или кепкой. Капитан отвечает коротким гудком.

Плывем два часа. За деревней Тырново от капитанских гудков поднимается первая стая гусей. С криком, на ходу «равняясь в затылок», гуси проходят, едва не задев линиялый флажок над рубкой.

Мы с Борисом бросились к рюкзакам, но, пока налаживали длинные объективы, гуси скрылись за лесом.

– Ничего, – сказал милиционер, резво прыгнув с мешков, – это только начало.

На всякий случай он спросил у нас документы. Семнадцать пар глаз с любопытством глядели на процедуру знакомства. Милиция улыбнулась, козырнула и водворилась на прежнее место.

– Это что ж, на кино, что ли? – спросила бабка, валяя в беззубом рту обломок баранки.

– Это для газеты. На всю страну, бабка, о нашей местности хотят написать, – разъяснил обстановку милиционер.

И сразу у нас появилось семнадцать друзей.

– Что и говорить, местность не обижена богом, – сказала бабка и спрятала надкушенный бублик. – Что же, и мой домишко получится?

– Гуси! Гуси!

Теперь вся палуба хочет видеть гусей. Мы снимаем. У нас моментально кончается пленка, а пока заряжаем, новые стаи треугольником и вовсе без строя проплывают сзади и впереди и прямо над палубой.

Столько птиц виделось только во сне. Ошалелые, как мальчишки, мечемся от борта к борту, не зная, куда направить глаза. А птиц все больше. Высоко, разрезав надвое солнце, тянется ниточка журавлей. Со свистом над самой водой проносятся утки. Гуси неторопливо поднимаются и опускаются за кустами.

– Глядите... Глядите...

Такое даже во сне не увидишь. Остров. Он весь шевелится, потому что нет и метра свободной земли. Гуси сели на отдых. Две или три тысячи, а может, пять.

– Снимайте же!..

Нам надо, чтоб гуси взлетели. Вся палуба машет руками, кричит. Остров волнуется, но не взлетает. Включается капитан с сердитым гудком... Не взлетают! Остров проплывает, он уже за кормой. Такое может не повториться. Умоляюще глядим в рубку.

– Не могу, расписание!

– Сынок, а бог с ним, с расписанием, – просит бабка.

Семнадцать пар глаз глядят в пароходную рубку. Капитан, улыбнувшись, сдается.

Пароходик поворачивает. Полкилометра плывет назад, потом крюк. Подходим из-за кустов. Капитан показывает, как надо прыгнуть... Вода хлещет за голенища. Шут с ней, лишь бы объективы не замочило. Как в атаке – короткие перебежки... Тысячи три, не меньше! Шевелятся. Увидели, кажется... Шум крыльев, крики, радуга водяной пыли...

Мокрые, подняв вверх «оружие», бредем к пароходу.

– Ну как? – за всех спрашивает капитан. Мы счастливо киваем. Пароход плывет дальше.

После возбуждения палуба замолкает. По рукам ходит бинокль. Изредка слышно: «Вон, вон, гляди...» На затопленных ивах зима забыла мохнатые шапки. Теперь возле них

орут, суетятся грачи. Серые цапли стоят по колено в воде, ленятся подниматься, только беспокойно сгибают длинные шеи. Над маленьким островком серебряным колокольцем висит жаворонок, а на самом острове, не зная, куда податься, мечется испуганный заяц.

– Сынок, отдохнул бы, присядь, – манит пальцем старуха. Она подробно расспрашивает, для чего ж это нужно столько снимать. И неожиданный поворот разговора:

– А ну как газета к германцам дойдет. Позарятся на красоту и опять...

На каждой пристани оставляем людей. Сошли милиционер и охотники-мушкетеры. В деревне Дубровке выгружали мешки с семенами, ящик с надписью «не кантовать», связку железных граблей, саженцы. На этой же пристани ушли старуха и девушка с зеркалом. На палубе, кроме нас, остались почтальон и тракторист с пустым рукавом. Он подсел, попросил сигарету:

– Вы вот с птицей имеете дело, а знаете ль – журавлиные перья счастье приносят... Да нет, я серьезно... Мне было двенадцать лет. Отец сказал: «Ищи, Алешка, перо журавлиное. Только стрелять не моги. Надо, чтоб сам потерял». А журавли, известное дело, редко перо потеряют. Четыре года искал.

«Надо пораньше вставать. Перо дается в руки, кто видит, как поднимается солнце», – внушал отец. Стал подниматься до солнца. На утренних зорях и птицы, и рыба веселят душу. Узнал, как начинаются речки в лесу, как ночью сову изловить, узнал названия мещерским травам и однажды разыскал гнездо на болоте. Там лежали яйца и пять журавлиных перьев. «Ну, береги. Теперь ты счастливый...» – засмеялся отец. И правда. Работать начал – все идет как по маслу. Девчонка, которую полюбил, с радостью пошла за меня. Сядем, бывало, в лодку. Я ей про воду, про звезды, про птиц. Обовьется руками: «Хороший ты у меня, Алеша...» Показал ей однажды для шутки перо. Глаза засияли: «Береги, говорит, Алеша...»

Ну, потом, как все, ушел на войну... Лежу под Брянском в окопе. Мокрый, вши поясицу грызут, патроны на счет, котелок языком полирован. Вы-то моложе, вам не пришлось... В окопе многое передумашь. Вспомню, бывало, первые дни работы, вспомню, как искал перо по лесам. Есть, думаю, Алексей, за что лежать тебе в этом окопе... Ну а на запад пошли, совсем веселей на душе. До самой границы невредимым протопал. А там угораздило. Без крыла вот вернулся. А ничто, не в тягость живу... Да, перо со мной всю дорогу. – Рассказчик улыбнулся, заправил рукав пиджака. – Хирург у нас в госпитале был. Очень интересовался. Сядет на койку: «А ну, покажи, говорит. Неужели?» Засмеется: «Ты, говорит, хороший чудака, Алексей». А как начну про Мещеру рассказывать, присядет на койку, очки протирает. «Приеду, говорит, в гости. Вот как закончим, так сразу и жди...» – Тракторист тушит сапогом окурок, ждет, что я скажу, как я понял историю...

– Мудрый у тебя отец, Алексей. Жив он?

– Схоронил...

Медленно приближается дощатая пристань. Наклоненные вербы пьют воду тонкими ветками. Пахнет мокрыми сетями. Скипидаром пахнут штабеля желтых досок на берегу. К пристани бежит мальчик с белой собакой. Он кричит: «Папа-а!» и, как саблей, машет зеленым прутом.

Тракторист скинул в песок свою ношу:

– Да вот что, писать будете, если можно, уж без фамилии. Я ведь член партии. Засмеют, суеверие, скажут, разводишь... Да, это мой. Ванюшкой зовут... Перо? А как же. Отец наказывал: дети будут – посылай искать...

Отец и сын продели в колесо ивовый прут и вдвоем понесли...

Остаток пути мы говорили с капитаном о мудрости людей, придумавших перья жар-птицы и журавлиные перья.

– Да что говорить, – сказал капитан, разглядывая в бинокль очередной остров. – Я ведь тоже в окопе лежал. Надо человеку и знать, и любить, и беречь свою землю. Тогда и умереть за нее легче, и жить на ней бешено хочется...

* * *

На пристани Копаново нас ожидала моторная лодка из заповедника. Мы обнялись с парнем в мокром плаще.

– Вовремя. Как раз полный разлив...

Море воды в вечерней тишине стало стеклянным. Красное солнце раскаленной монетой катится в воду. Сейчас коснется, закипит, пойдет пар. Нет, солнце сверкнуло лысой макушкой, и вот один только луч, как взмах руки на прощание, светит в фиолетовой дымке. Красными каплями сверкают бакены. С затопленных дубов и берез шумно и тяжело улетают тетерева. По-прежнему гусиные стаи и справа, и слева. В этих местах проходит древняя птичья дорога. Тут птицы садятся передохнуть, покормиться. А может быть, в птичьем мире есть тоже понятие о красоте? Может, птицам нравится этот край безбрежной воды и добрых людей.

Тридцать километров плывем по разливу. Где-то в лесу мещерская речка Пра впадает в Оку. Но сейчас русло определишь только по приметным деревьям. Ныряем в затопленный лес. Веслами и руками толкаемся от дубов и берез. В воде – пожар от зари. Поднимаем весла и замираем.

– Ну как? – шепчет наш провожатый.

Молчим. В черных дубах крадется луна. Она такая же красная, круглая и большая, как солнце сорок минут назад.

– Ву-ву-ву-уу!.. – кричит сова и темным шаром проносится над головой. Лодка шуршит алюминиевым дном по траве. Это маленький остров в лесу. Липовая гора. Пахнет дымом, сырыми прошлогодними листьями. Пока таскаем мешки, луна из красного пятака превращается в золотую монету. Вдоль тропинки к темному одинокому дому на ветках загораются желтые лампочки. Это ива при лунном свете зажгла фонари крупных пушистых цветов...

Заячьи острова

Зайцы вот тоже – их жалко до слез!

.....

Еду, ловлю их. Вода прибывает.

Вижу один островок небольшой —

Зайцы на нем собралися гурьбой.

С каждой минутой вода подбиралась

К бедным зверькам...

* * *

Все знают стихи о старом Мазае. В детстве мы верили: Мазай до сих пор живет где-то в «болотистом низменном крае». Я, помню, даже письмо написал хорошему деду. Отец смеялся и все обещал разузнать адрес.

Мы выросли, поехали, ходили по свету. Стихи нам стали казаться доброй старою сказкой. Неужели и в самом деле зайцев можно в лодке катать? Врал, наверное, Мазай. Да и сколько их, зайцев, теперь, если на каждого по четыре охотника.

Но есть у нас тихие лесные уголки, где совсем не стреляют. В Москву из леса приходили хорошие письма. На синем конверте был нарисован черный парящий аист. Эта редкая птица стала эмблемой Окского заповедника. Письма приглашали приехать. «Только в самое половодье. Увидишь Мазая...»

* * *

На Липовую гору уже перевезли четыре десятка зайцев. Вчера и позавчера их снимали с маленьких островов, с пеньков, с проплывающих бревен. Самый главный заячий остров еще не тронут. Но надо спешить – вода прибывает и прибывает.

...Брезентовая байдарка гудит, как большой барабан. Спускаем на воду, плывем по лесу. Не напороться б на сук. Продырявишь лодку – ко дну пойдут аппараты, магнитофон, и сам окажешься в положении зайца.

Плывут по воде черные осиновые листья, плывет прошлогоднее гнездо дрозда. Из гнезда глядят бусинки глаз мокрой испуганной мыши. Дятел шелушит древесину засохшей осины. «Опилки» плывут по воде узкой белой дорогой. Моросит мелкий парной дождик. Пахнет гнилыми пнями, намокшей прошлогодней осокой. Останавливаемся. Борис умоляет не сопеть, не шуршать брезентом, не трогать весел. Накрывшись плащом, он выставил микрофон, на который надета старая варежка. Борис записывает стук дятла, журчание воды и крик близко пролетающих журавлей. В сырую, туманную погоду журавли кричат громко и часто. Крик не передашь словом. В нем тревога и грусть. Впрочем, это человек так понимает, а журавли, наверно, кричат, чтобы не потеряться, а может, зовут на весеннюю свадьбу. Счастливики видели, как журавли исполняют брачные танцы.

В дубовой и березовой чаще длинная лодка попадает в ловушку. Черпая сапогами, бредем по воде. Наконец...

– Смотрите, смотрите!..

За темным стволом липы – знаменитый заячий остров, полоска земли с белой старой травой. Зайцы! Протираем глаза. Целое стадо, целая «ферма», а посередине – два журавля, наверно, те, что кричали над лодкой. Не шевелимся. Журавли медленно и царственно важно переставляют ноги. Зайцы, как на игре в «каравай», кружатся рядом. Полная дружба. Стоим, пока не затекают ноги. Снимать нельзя – дождь оставляет на объективе частые капли. Журавли почуяли опасность, поднялись с криком. И сразу, как ошалелые, забежали зайцы. Теперь их сосчитать можно – двадцать семь. Прикидываем: за ночь не затопит – можно подождать для съемок хорошей погоды.

Утром нас разбудило солнце. Скорее в байдарку. Журавли слышали нас далеко и без крика сделали круг над поляной. Зайцы, как солдаты, выстроились на дальней линии острова. Лопочут ушами, то и дело становятся «столбиком» и быстро-быстро, как барабанщики, двигают лапами возле носа.

Грива земли с двумя липами, с редким красного цвета тальником и дубовым кустом – самое высокое место в этом лесу. Вода постепенно выжимала зайцев с низменных мест, и вот

они целой командой ожидают судьбу. Они отошали. Тальник и даже дубовый куст изглоданы добела. Зайцы встревожены. Они сбились в тесную кучу и, кажется, держат совет: что же страшнее – вода или четверо этих наступающих с разных сторон с длинными трубами? То ли смелый, то ли самый трусливый заяц вдруг прыгает и, ударившись о чей-то сапог, скачет по мелкой воде. Бух! Бух! Бух!.. Как будто частые комья земли падают в воду. Проплыв метров двадцать, заяц испугался и повернул к острову – в беде уж лучше стадом держаться.

«Столбик не столбик, зайчишка на пне...».

Фотографируем и так и сяк, залезаем на липу. Зайцы, кажется, привыкают, пробуют грызть тальник. Но стоит шагнуть, все стадо бешеным челноком скачет из конца в конец острова.

Очень забавно видеть вблизи бегущего зайца. Задние ноги опережают передние. Он как пружинка: то сжат в пушистый ком, то вытянут. Двадцать семь пушистых пружин с любопытством глядят, как поперек острова мы вешаем сетку.

Мазай утверждает, что зайцы совсем не боялись людей. Помните, как прыгали в лодку: «...Прыгнули зайцы мои, – ничего!» С тех далеких времен зайцы, видно, многому научились. В нашу лодку не прыгают. Но надо ж спасти непонятливых.

Мы гоним зайцев на сетку. Сначала медленно, потом с гиканьем, с киданием шапок. Зайцы проносятся как торпеды и оставляют дырки на сетке – слишком туго натянута. Вешаем заново. Загон. Зайцы путаются, бешено бьют задними лапами. За них-то и надо схватить, иначе и куртку порвет, и живот, чего доброго, вспорет. Зайцы орут. Мало кто знает, как зайцы кричат. Пронзительно и жалобно, как ребенок. Этот крик сеет на острове панику. Зайцы прыгают в воду. Два или три самых трусливых уплывают неизвестно куда, других догоняем в воде, остальные возвращаются сами.

Сажаешь косого в рюкзак – орет и старается укусить. Опустить на землю – рюкзак начинает бешено прыгать. Это придает нашей лесной операции неправдоподобно сказочный вид. Выливаем из сапог воду, сушим штаны, подсчитываем царапины и укусы. Не забываем крупным планом снять заячьи морды и, конечно, записать на магнитофонную пленку заячьи вопли. Потом относим рюкзаки к большой плоскодонной лодке. Ее сейчас иначе, как ковчегом, не назовешь. Пускаем зайцев в клетку и, вспоминая стариков Мазая и Ноя, отплываем домой.

Держись, косой!

По пути ковчег пополняется барсуком. Его большую нору мы видели на заячьем острове, но он не успел, наверно, засухо добраться в квартиру, а может, общество зайцев ему не понравилось. Барсук сидел на пяточке земли возле дубового пня. Попытался уплыть, но был водворен на ковчег.

На Липовой горе зайцев окольцевали. Ловля идет не только ради спасения. Надо установить, в каких местах держатся зайцы, много ли гибнет, сколько расселяется из заповедника по окрестным лесам. Колечко с номером и словом «Москва» ставят на ухо. Операция пустяковая. Женщины, как известно, переносят ее с улыбкой. Зайцы ж орали как сумасшедшие. После операции заяц немедленно получает свободу и прописку на самом высоком месте в лесу.

...Вечером мы разбираем лесные находки и, настроив карманный приемник, слушаем концерт из Москвы. Вдруг прибегает жена наблюдателя:

— Вас к телефону...

Звонит из центральной усадьбы заповедника старый ученый Теплов Владимир Порфирьевич:

— Как там у вас?.. Ну хорошо... Вот что, будешь писать, обязательно укажи: сегодня наш лесник схватку имел с браконьером... Да, пробрался на островок и прямо в упор перебил шесть зайчих. Беременные... Мы приняли меры, но ты напиши. Фамилия Елисеев... Елисеев Виктор. Работает на литейном заводе... Поселок Лашмы Касимовского района. Напиши. Надо и судить, и стыдить, и шкуру снимать с таких «Мазаев»...

* * *

На Липовой горе пережидают потоп шестьдесят или семьдесят зайцев. Их видишь всякий раз, когда идешь от домика к лодкам. Они прячутся в бурьяне, в канаве возле дуплистых ив, в старой колее от телеги. На острове зайцам ничто не грозит, разве что филин заберется из лесу. В лунную ночь, когда утихает наша моторка, зайцы прыгают под окнами домика. Скрипнешь дверью – убегают в кусты, голубые, как привидения.

Один только пес Туман не понимает покровительства зайцам. Он гремит цепью, жадно нюхает воздух. Его гончая специальность – зайцы. Он трется о сапоги, преданно смотрит в глаза и опять нюхает воздух. «Чего держат? – написано на его доброй морде. – Зайцы же, зайцы кругом!» Среди ночи он вдруг начинает выть на Большую Медведицу.

К нам прилетают птицы...

В избушке на Липовой горе живут два лесных берендея. Один женатый, степенный, другой, помоложе, переживает возраст, когда хочется отпустить бороду и усы. Бороденка делает его похожим на иконного Христа. Мы дразним. Прозвище обещает прилипнуть. Остроумно проклиная корреспондентов (а также своего шефа Теплового, который обложил бороды моральным налогом), «Христос» начинает бриться.

Первого берендея зовут Святослав. Дружески мы зовем его Свет. Короткое имя очень идет Свету, открытому, доброму и веселому.

Потерявшего бороду зовут Феликс, Иванов Феликс.

Избушка, где живут ученые-берендеи, увешана ружьями, сетями для ловли зайцев и птиц, фонарями, биноклями, рюкзаками, фотографическими аппаратами. В избушке, прежде чем сесть, надобно оглядеться, иначе раздавишь скворчиные яйца, наступишь на зайчонка, который поселился в валенке Феликса, или, упаси бог, сядешь на ракеты, которые помогают закинуть сеть на токующих косачей. На столе – аптекарские весы, связки серебристых колец с номерами, пинцеты, скальпели, формалин. Одно спасение от науки – спальный мешок. Но ложимся мы поздно, когда все утихает и за окошком начинают прыгать голубые от лунного света зайцы. Феликс тянет руку к будильнику и ставит стрелку на цифру четыре.

Утром в темноте слышно: скрипят сапоги, шуршат брезентовые куртки, шепот: «Ты мою портянку забрал...» Булькает молоко, скрипит дверь, шаги, звон алюминиевых весел, иногда треск мотора, иногда скрип уключин. Берендеи ушли на дежурство...

Возвращаются часов в десять. Не дожидаясь, пока отыщется нож, ломают краюху хлеба и включают приемник. На ладонях мозоли от весел. Одеколоном заливаются царапины на лице. Сушится одежда. Берендеи моют пахнущие бензином и мускусом руки (опять барсука спасали от наводнения), начинают готовить обед.

Когда с дощатого стола убираются крошки, наука раскладывает пинцеты, скальпели, кольца, карточки, уложенные по какой-то мудрой системе. Из сеней приносят кутейку – большую клетку, обшитую мешковиной. Свет запускает руку и вынимает скворца, утку, чибиса, вальдшнепа, дрозда, голенастую выпь... Соразмерно лапке берется кольцо с номером и словами: «Сообщите Moskwa». Сто с лишним птиц ежедневно. Получив кольцо, птица иногда вырывается и бешено бьется о стекла. Моя обязанность – выпускать. Держишь в ладони теплый комочек, читаешь номер. Куда занесут крылья эту надпись «Moskwa»? В этом году поймали и снабдили кольцами тридцать пять дупелей. Через год-два кольца прислали из Африки. Одно – из Нигерии, другое – из Конго... Открываю ладонь. Фрр!.. Птица летит в сторону дуба, на котором висит ворона. Воронам, грабителям гнезд, объявлен террор. Одну

повесили для привлечения разбойниц. Иногда они появляются. Мы кричим: «Феликс!..» Феликс выбегает с ружьем. Но хитрые вороны хорошо знают Феликса и прячутся в лес...

Пятьдесят тысяч птиц ежегодно получают кольца в заповеднике на Оке. Тут самая крупная в нашей стране орнитологическая станция. Каждая вторая птица с московским кольцом побывала в руках у Света или его друзей. На каждую птицу – карточка.

Сейчас, пока заполняются карточки, мы с Борисом узнаем много интересных подробностей: «Сын Бианки окольцевал полярную крачку. В тот же год крачку поймали в Австралии...» «Кольца «изобрел» датчанин. В 1899 году он пометил аистов, прилетавших к нему на крышу. Кольца были серебряные, с фамилией Мартинсон...» «Ежегодно кольцуется пять миллионов птиц... Гана и Конго начали кольцевание...» Свет берет карандаш и подсчитывает:

– В этом году птицы несут над землей семь-восемь тонн алюминия.

...В конце рабочего дня каждый из берендеев открывает тетрадку с надписью «Святослав Поклонский», «Иванов Феликс». В такие минуты мы с Борисом стараемся не мешать. Берендеи опускают в копилку-тетрадку все, что принес им весенний день: интересные мысли, предположения, любопытные наблюдения... А есть тетрадка для всех. На обложке написано: «Календарь». Это вахтенный журнал на Липовой горе. Каждый может оставить запись. Пишем и мы с Борисом: «Видели первую зелень на березе». «Появились летучие мыши...» Ставим число и подпись, так положено.

Лесные тетрадки, обобщенные и изученные, помогают определить, как быстро идет весна по земле. Тетрадки расскажут, когда уходит последний снег, когда прилетает первая птица. О первых цветах, последних заморозках, о сроках уборки и сева расскажут тетрадки. Подсчитано: весна идет по земле со скоростью пятьдесят пять километров в сутки, более двух километров в час...

* * *

Свет готовит свою диссертацию. Четыре десятка плотных листов лежат в ящике вместе с патронами, компасом, промокшими в лесных скитаниях блокнотами, кинокамерой и буханками черствого хлеба. Ночью, когда комната наполняется храпом, Свет склоняется над бумагой. Он листает блокноты, иногда быстро-быстро пишет, иногда долго сидит, захватив ладонями голову в плен... Неожиданно бумажный лист с хрустом превращается в ком и летит в угол. Свет выпрямляется, тушит лампу.

– Сыровата, – говорит он, когда я осторожно спрашиваю о диссертации. – Не люблю показывать половину работы. Вот буду защищать – приходи... Представляешь: сверкают ученые лысины. Умнейшие, уважаемые люди – и я перед ними без этих сапог, без этой прожженной кострами куртки. Страшно. От меня ждут нового слова. Все кругом должны сомневаться, а я доказывать должен...

Весна.

В дождливый вечер мы сидим на кроватях. Хочется лучше узнать смысл нелегкой лесной работы. Я играю роль скептика-оппонента. Задаю вопросы. Спокойный Свет начинает поднимать голос:

– Это ошибка – считать, что только атом и космос имеют загадки. Под ногами, вон в той зеленеющей травке столько еще не изучено... – Свет просматривает в лупу пожелтевшую киноплёнку. – Возьмите все тех же гусей. Как находят они Мещеру? Какой компас приводит стаю на прежние гнезда? Одни говорят: рельеф, русла рек. Хорошо. Но есть птицы – ночью летят. По звездам? Возможно, по звездам – есть уже опыты. А может, магнитное поле... У природы огромный «стаж». В ней столько изобретений, столько мудрых приспособлений, что инженерам порой остается только завидовать и учиться... Ультразвук возьмите. У нас с вами давно ли на службе? А летучим мышам ультразвук служит миллион лет. Радиолокация... У животных – древнейшее «изобретение». Ну что еще? Ракетный двигатель... Вспомните каракатицу. Аккумулятор... Электрический угорь. Или возьмите обычного муравья. Как ухитряется перетаскивать груз, во много раз тяжелее себя?.. Тысячи загадок. Для всех сразу: для биологов, физиков, химиков, кибернетиков... И нам, лесным берендеям, тоже есть над чем поломать голову. Зимовки птиц, пути пролета, места наибольшего истребления. Это уже не только наука...

Свет ходит по комнате. По стенам, где висят сети, бинокли и ружья, прыгает тень. Из валенка на полу выползает зайчонок, любопытным глазом смотрит на лампу. Свет берет его на ладонь...

– Да, не только наука... Мы счастливые люди. Ни у кого на планете нет земли, просторнее нашей. И лес, и зверь, и птица. Охота могла бы стать хорошим подспорьем в хозяйстве страны. А что получается? Бьем без числа и меры. Бьет кто попало, где попало, когда попало. Потом хватаемся: батюшки, все перебили!.. Запрет! Как плохая хозяйка: всем курам головы начисто, а потом плачет – яйца нести некому. А если хорошо знать, сколько птицы можно стрелять, знать места зимовок, пути пролета, места наибольшего истребления, можно разумно вести хозяйство, без урона природе извлекать огромную пользу. Наука и законность не сказали пока в этом деле веского слова... Ну, и еще: на каждом из нас ответственность – беречь красоту на земле. Это ведь радость – весной услышать: кричат журавли...

Ругайте, называйте меня чудаком, но я коммунизм не представляю себе без птичьего пения, без чистого неба, без этой чистой воды. Слышите, как журчит... – Свет прячет зайчонка в валенок. Берет будильник, ставит стрелку на цифру четыре.

Завтра берендеи опять пойдут на дежурство...

Фото автора. Окский заповедник. 8–13 мая 1962 г.

Сувенир из Ростова

Если даже тройку иметь по истории, все равно будешь знать, какой это город. Просыпаясь утром – в окошко видны купола, тридцать куполов, пятнадцать башен. Рыбу поймешь ловить – опять видно: купола в озеро опрокинулись. Начни копать огород или яму копни – обязательно найдешь черепки или каменный ножик, или пистоль с костяной ручкой, или еще какую штуковину. Неси в музей – спасибо скажут и в толстую книгу запишут: нашел такой-то, в таком-то месте, число, месяц, все как положено. Город ужасно древний. В этом году ему стукнет тысяча и сто лет. Представляете? Учитель говорит: Ростов еще богу Перуну молился. Деревянный такой бог, знаете? Варяги на кораблях приплывали, ну а потом – татары, поляки. Иван Калита, Иван Грозный и царь Петр приезжали. Цари любили наш город. Называли: Ростов Великий. Видал, понастроено сколько! Американцы ездят глядеть. Машины у них, как жуки, черные и ширина – во! Поставят машину и ходят: «Хай дуо ду! Хай дуо ду!» В нашем отряде Жигаржевский Валерка по-ихнему здорово понимает. «Пойди, говорим, спроси что-нибудь». Стесняется. Ужасно стеснительный, все с девчонками и с девчонками. Я бы мог, но у меня по английскому – говорить стыдно...

Все это рассказал мальчишка, с которым я познакомился на берегу, за кремлем. Мальчишки любят приезжих. А если приезжий хоть сейчас готов искать наконечники стрел, дружба мальчишек ему обеспечена.

Трубачи и горнисты. Среди них Кирпичев Юра и Витя Балакин.

Юрку Кирпичева я покори́л тем, что сразу поверил: под озером к церкви есть потайной ход.

– Вы приезжайте летом – мы тут такое разыщем! Ребят соберем – во! Да прямо весь отряд наш бери, и все!

В Юркином отряде двадцать четыре мальчишки и шестнадцать девчонок. Юрка перечисляет по именам, доходит до барабанщика Середы Васи, которому из восьмого класса девчонки записки в парту кладут, и вдруг поднимается:

– Забыл, совсем забыл. Наших же в комсомол принимают. Пойдемте?..

* * *

Ростов Великий это событие ничем не отметил. Не звонили кремлевские колокола. Над голубыми и серебристыми куполами равнодушно летали голуби, шли люди на службу, милиционер скучал на углу, дымилась труба маленькой фабрики, двое туристов поставили рюкзаки на валу и пальцем считали кремлевские купола. В этот обычный день восемь человек из второго отряда стояли в райкоме и «страшно переживали».

– Ну как?

– Про Устав спросили...

– А ну, билет покажи...

– А мне сказали: расскажи биографию... Ну, я сказала: родилась в Ростове, состою в пионерской дружине... – На кофточке у Светланы приколот новый комсомольский значок. Она снимает галстук, прячет в портфель, потом достает снова:

– Вася, ты будешь там. Спроси, можно еще чуть-чуть поносить?

Вася Середа, тот самый, которому в парту записки кладут, волнуется больше всех:

– Биография...

– Ну, тоже скажи: родился в Ростове, ну, мать, отец... Скажи: был пионером...

Открывается дверь, бодрый голос говорит: «Следующий!» В окно видно: над куполами летают голуби и два туриста считают кресты...

* * *

Был пионером... Мне захотелось прочитать эту страничку маленьких биографий. Времени было немного. Вместе с ребятами я отправился в школу. По дороге держали совет, как познакомиться со всем отрядом.

– Проведем сбор, – сказал Костя Флягин, – вы расскажете про Гагарина, ну, и мы тоже...

Но сбор провести не пришлось. В этот день во втором отряде каждый имел задание. Три человека пилили дрова, трое сажали цветы около швейной фабрики. Света Киселева, Кирпичев Юрка и еще двое убежали на стадион, где шла подготовка к пионерскому празднику. Четверо в мастерской ладили табуретки, остальные взяли лопаты и грабли. За школой жгли мусор и готовили грядки. На участке стоял запах дыма и свежей земли. Большой серый пес терся о ноги и радостно взвизгивал. Возле моей сумки с аппаратами он нюхал воздух и поднимал уши.

– Дружок! Дружок! – позвала девочка в мальчишеских шароварах. – Извините, к вам он еще не привык.

Живет Дружок у Люды Егеревой, но весь отряд считает Дружка своим. И Дружок каждого знает. Когда идет урок, он бежит под окнами и лаем отзывается на звонки...

...Вечером всем отрядом мы идем к старому валу. Я узнаю, в каком году насыпали вал и кто насыпал. Теперь грозное укрепление заросло травой, и ребята по очереди косят траву для кроликов.

– А на ферме вы еще не бывали? Ну, обязательно приходите... Да, все сами построили. И спортивный зал сами – все сами: и стены, и крышу. Правда, там старшеклассники больше работали, но и мы тоже...

На валу, когда я начинаю расспрашивать, все глядят на Валерку Жигаржевского: «Пусть он... Валерка все знает». Спокойный и чуть медлительный Валерка в отличие от фантазера Юрки не очень верит, что под озером есть тайные ходы. Зато он точно знает, когда построен главный собор, почему церковь называют «Спас на сених». От Валерки я узнаю, что в крайней башне кремля живет архитектор, а в другой башне находится библиотека. «Книги огромные, как чемоданы, и тоже с застёжками».

– Валерка все знает, – восторженно шепчет мальчишка, который выпросил поносить мою сумку. – Между прочим, у него драма...

– Что?..

– Ну, как это сказать... Вон девочка, вон чистит пуговицы, Жанна Никифорова. Они с первого класса дружат. Вместе рисуют, уроки вместе. Вы знаете, как Валерка переживает, когда она у доски, – хочет, чтобы пятерка была. Ну вот. А теперь Жанна на Ваську Середу все смотрит и смотрит... Да нет. С Валеркой она по-прежнему дружит и домой ходят вместе...

– Это, наверное, тайна?

– Да нет. В отряде знают... А Валерка у нас председатель...

До самой темноты мы сидим на валу. Внизу вдоль берега у маленьких колышков привязаны лодки. Очень много. Наверное, у каждого дома в Ростове есть лодка.

– А рыба как?..

– Рыбу из озера Неро раньше возили на царский стол, – говорит Валерка Жигаржевский.

– Рыба и сейчас... Ребята, а ну, кому ближе?..

Никак невозможно отговорить, что поздно, что я и так верю. Костя Флягин садится на велосипед и мчится за удочками. И вот мы уже на берегу. Костя, прыгая с лодки на лодку, выбирает местечко. Другая удочка – в руках у Люды Егеревой.

– Она как мальчишка, – говорит Серёда Вася, – барабанит лучше меня и в футбол, в баскетбол... Вот посмотрите, она раньше Кости поймаёт.

Люда прыгает с лодки на лодку, и следом за ней боязливо прыгает пес Дружок.

Как всем хотелось, чтобы клевало в тот вечер! Но клева не было. Костя ухитрился поймать двух ершей.

– Это рыба? – сказал он, и зло зашвырнул ершей далеко в воду.

* * *

Поздно вечером я говорил со старшей вожатой, с классным руководителем Верой Николаевной Малоземовой, с директором школы. А утром сидел на уроках, вместе с ребятами ходил проводить заболевшего Витю Балакина. Мы сидели на скамейке у дома. Витя искал соринки на пиджаке. Вите было неловко. Голова болела «чуть-чуть». Он не пошел в школу, но ходил на занятия в гимнастической секции. Вите неловко, но никто из ребят и виду не кажет, что недовольны. Витя сам понимает, он ищет соринки и говорит, что полдня учил геометрию и физику повторил... На стадионе напротив готовятся к празднику. Слышно, как поют песню «Прощайте, голуби». Песню знают и ребяташки. Мы прощаемся с Витей. Ребята идут, насвистывают песню. Потом мы идем молча. Потом кто-то сказал:

– А Витька хороший, правда ведь, а?

И все громко заговорили: «Витя Балакин очень хороший. Сегодня это так просто, ну, с кем не бывает. Витя – гимнаст, и горнист, и поет, и самый лучший диктор в отряде – читает заметки по школьному радио. И самое главное – он веселый. Видали, какие глаза у Витьки?..»

Двадцать четыре мальчишки и шестнадцать девчонок. Семиклассники. Это как раз тот возраст, когда девчонки на переменах перестают бегать сломя голову за мячом, а, взявшись

за руки, со значительным видом ходят, ходят, о чем-то говорят или петь начнут. Ребята тоже особняком. Голоса поглубели. У кого чуб, этот в узких сверх меры брюках пришел, этот украдкой записки в парту кладет. Такой уж возраст у семиклассников. И в этом классе появились признаки «возраста». Но по-прежнему ребята зовут себя пионерами, хотя вместе с галстуком кое-кто носит уже комсомольский значок. По-прежнему Витя Балакин не стесняется сидеть вместе с Сыровой Гелей, на переменах по-прежнему шум и гвалт. «Они не из тихих», – улыбаются и вожатая, и директор.

Двадцать четыре мальчишки и шестнадцать девчонок... Вот Киселева Света. У нее доброе в веснушках лицо и улыбка, готовая полететь. У Светы в прошлом году умерла мать. Улыбка пропала и, может быть, никогда б не вернулась – у Светы целый месяц не высохали глаза. Отряд – двадцать четыре мальчишки и пятнадцать девчонок – вернул Свете улыбку. Сорок друзей. У них есть своя отрядная песня – «Орленок». Они до сих пор навещают мать погибшего летчика. Носят ей воду, дрова, ходят за хлебом и молоком. Сорок друзей вместе ходили в походы. Они пешком шагали вдоль Волги, они ходили по ярославским местам и читали стихи «Опять я в деревне, хожу на охоту...» – в лесу, где охотился сам Некрасов. Друзья умеют разжечь костер, а все девчонки умеют и на плите приготовить: и борщ, и пудинг, и даже пирожное. У них были специальные сборы: «А что я умею?». Они стали гимнастами и баскетболистами, они поставили пьесу «Павлик Морозов» и еще восемь других пьес. Они писали письма в Чехословакию, рыли картошку и выступали с концертами в подшефном колхозе. У них много друзей на швейной фабрике. Они научились... Многому научились. Когда мы прощались, Жанна Никифорова положила на стол картонку, на которой нитками был укреплен наконечник стрелы.

– У нас пока не делают сувениров. Это на память о нашем городе.

– Но эта дорогая для вас находка...

– Мы еще найдем! – зашумели мальчишки. А первый знакомый Кирпичев Юра вызвался проводить:

– Автобус через два часа. Пойдемте на берег. Наш кремль еще никто не снимал с озера. Я мигом доставлю.

Был ветер, грести было тяжело. Я сменил Юрку на веслах. Волны шлепали о бок плоскодонки.

– А вы держитесь вон на ту колокольню, это как раз против ветра – тогда заливать не будет...

На Юрке были кирзовые сапоги, и я только теперь сообразил: надел он их для того, чтобы подтащить лодку к берегу, чтобы я ноги не замочил.

– Юра, а тебе в комсомол скоро?

– Через год...

* * *

В автобусе я достал наконечник стрелы. Кусочек кремня, тысячи лет назад обточенный человеком, по форме напоминал сердце.

– Это что ж, настоящее? – спросил моряк, сидевший рядом со мной, и потрогал пальцем острую сторону камня. – Сами нашли?

– Да нет... – Я опять вспомнил Юрку, представил почему-то, как будет он волноваться перед дверью в райком, как будет говорить биографию: «Ну, родился... Был в пионерах...» Прощаясь с галстуком, ребята толком не знают еще, какую интересную часть человеческой биографии заключают два слова: «БЫЛ ПИОНЕРОМ»...

Фото автора. Ростов Ярославский, 3-я средняя школа. 18 мая 1962 г.

Знаки на камне

Вы помните васнецовского «Витязя на распутье»? Степь. Белый конь. Тревожный закат. Всадник. Древние буквы на камне: «Как пряму ехати – живу не бывати, нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролетному». Это слова из древних легенд, преданий и сказок. Но живут на Руси и поныне древние камни. Столь древние, что на них даже не буквы, а таинственные, поросшие каменной зеленью знаки: рука и ступня человека, геометрические фигуры, следы рыси, косули, медведя. Знакам – тысячи лет. Камень еще тысячи лет пролежит. Самое удивительное – мы почти не знаем этих камней. Может быть, недостаточно любознательны, может, потому, что камни не у дороги лежат.

В новгородских, калининских, ярославских, смоленских лесах лежат древние камни, позеленевшие, вросшие в землю. Их не знали ни ученые, ни туристы. Пастухи садились на них пообедать, змеи в жаркие дни выползали погреться на камни. Нашелся человек, которого камни заворовали. Прошлым летом зашел он в редакцию.

– Я из Шуи... Ильин Сергей Николаевич... – Человек поставил у двери тощий рюкзак, присел. Тонкая хворостинка стучала по сапогам. На пыльном голенище оставались следы. Человек прошел пять тысяч верст. Не сразу, конечно. Верст триста – каждое лето. Человек положил на стол облезлую папку.

– Извините за канцелярский прием – на каждый камень я завел дело. Тут все: точное место, когда нашел, кто указал, фотография обмеры, зарисовки следов. Камни называю «следовиками». Вот камень Щеглец – по имени ручья в Новгородской области. Вот Крестовик – по характеру знаков. Клевеческий камень. Всего двадцать два...

С Сергеем Николаевичем мы подружились. Он из породы людей, которых зовут: одержимый, фанатик, чудаки. Такие думают, ищут, изобретают. Такие могут сидеть на хлебе и квасе, не спят по ночам, в стоптанных сапогах идут и идут. Такие находят, что ищут.

Почти мальчишкой, как Гайдар, Ильин Сергей «поступил в революцию». Семнадцати лет его приняли в партию коммунистов. Орден Ленина Сергей получил в то время, когда этот орден носили не на колодке, а на подкладке из красного банта. Он был политруком полка, хотя имел три класса церковной школы. Он был в первой тысяче советских парашютистов. Захотел поглядеть на землю с высоты Эльбруса. Поднялся с альпинистами и поглядел.

В тридцать седьмом году его свалил жестокий ревматизм. Пришлось распрощаться с полком. Казалось: постель, ну там сад, огород – не дальше дорога у человека. А он именно дорогой решил победить нездоровье. Поступил к туристам инструктором, а потом сам начал ходить по лесам. И вот уже в тысячи верст за плечами дорога.

Вышел на пенсию, казалось бы, хватит; теперь – сад, огород. Нет, ходит! «На месте, как камень, обрастешь мхами», – это его слова. Ему 63, но встретите, скажете: сорок – сорок пять человеку. «Дорога продляет жизнь» – это тоже его. Ему не платят ни суточных, ни проездных. «Пенсия – весь мой бюджет».

Ходит один. В рюкзаке – хлеб, ножик, болотные сапоги, фотокамера, блокноты, рулетка, бинокль и компас. Милиционеры на него косятся, пастухи принимают за искателя кладов. Ученые снимают шапки и говорят: СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ. Уважение человек заслужил добросовестностью, точностью наблюдений, неутомимостью, бескорыстием. Его статьи и доклады печатали серьезные журналы, наши и зарубежные...

Что же это за камни и знаки на них? Ученые гадают, просматривая папку «каменных дел». Камни и небольшие, и весом в многие тонны. Лежат камни в верхних районах Волги. Что означает на камне ступня? Может быть, направление брода? Направление волока? Из речки в речку в древности лодки тащили волоком. Следы рыси, косули, медведя. Это граница охоты, родовых владений или что-то другое? А знаки матриархата и крест рядом?..

Как появился крест? Может быть, все следы – знаки язычников? Может быть, камни были местом приношения жертв? А кресты появились позже, когда христианство победило язычников? На все вопросы определенно ответить нельзя. Нужны новые поиски и находки. Папка «каменных дел» продолжает расти. Человек продолжает дорогу.

В последнем письме он сообщил: «Есть известия о новых «Следовиках». Сейчас он в лесах, где-нибудь возле вашей деревни. Встретится – помогите ему. Если знаете что-нибудь о камнях, напишите. Адрес: Шуя, площадь имени Фрунзе, дом 14, квартира 14, Сергею Николаевичу Ильину. А может, и сами к поискам подключитесь? Опять напишите – Сергей Николаевич поможет и посоветует.

Фото автора. г. Шуя. 30 июня 1962 г.

Новелла о Кубе

Название точно определяет жанр. Это новелла. Фильм сдержан и лаконичен, идет менее часа. Когда мелькнуло слово «конец», в зале кто-то сказал: «Мало»... Короткий своеобразный фильм понравился.

События на далеком и близком для нашего сердца острове развиваются так стремительно, что художники не успевают за событиями. Кубу мы знаем по документам, очеркам, кинохронике. «Кубинская новелла» – первое слово художников.

Журналист «Огонька» Генрих Боровик хорошо знает Кубу. По его сценарию снимался документальный фильм «Пылающий остров». Теперь – «Новелла».

...Бородатые люди. Винтовки, сжатые в мускулистых руках. Музыка, зовущая к бою. Лозунг: «Родина или смерть». Фидель на трибуне. Гул голосов: «Куба – да! Янки – нет!» Все это нам знакомо. В новом фильме сценарист Боровик, режиссер Колосов, актеры Свердлин, Якут и Дружников дают нам в руки увеличительное стекло искусства: «Посмотрите...» И мы видим в человеческом море отдельных людей. В течение часа наблюдаем их жизни.

Лев Свердлин в роли Максимо Эрнандеса.

Оказывается, есть человек, которому не просто и не легко выйти и крикнуть вместе со всеми: «Куба – да! Янки – нет!» Он работал бухгалтером и стал управляющим банком. Он честный человек. Ему выбирать надо. Мучительно трудно выбрать человеку...

Лицо врага. У него вкрадчивый голос, он приводит, казалось бы, убедительные доводы неизбежности гибели революции. У него за спиной могучий хозяин – Америка. В кармане у него пистолет и отмычка. Он готов на все...

И еще человек. У него знакомая нам борода. Он работал лифтером. Теперь он получил ключи от банка. Он должен управлять им. Слипаются над книжкой глаза. Тут же, на столе – пистолет. Нельзя пока без пистолета. Приходят люди. Требуют денег на ясли, на школу...

Враг говорит о гибели. Человек с бородой уверен в победе. Третьему приходится выбирать. Он выбирает Кубу. Как это происходит? Об этом «Новелла» рассказывает интересно, сдержанно и убедительно.

Можно поздравить с удачей актеров. Лев Свердлин не показал нам традиционного темпераментного бородача. И все-таки веришь: это кубинец, сильный и убежденный. Правда на его стороне.

Есть еще один герой в «Кубинской новелле» – кубинский народ. Тут актеры не понадобились. «Мосфильм» пригласил кубинских студентов, и они показали людей, готовых победить или умереть.

«Кубинская новелла» снималась для телевидения. Думаю, все, кто телевизоров не имеет, будут в претензии – слишком велик интерес к Кубе. И почему надо делить: это для телевидения, это для большого экрана. На большой экран должно выходить все, что достойно большого экрана.

Фото автора. 8 июля 1962 г.

Сержант на посту

Разговор в самом главном кабинете московской милиции.

– Гм... На пять дней в милицию... И форму выдать?... Но, понимаете, это ж милиция... Нет-нет, только министр может решить.

Разговор с министром внутренних дел. Министр говорит: «Да».

Два дня читаю милицейский устав. За городом на лужайке майор Богомолов учит приемам самбо. Милиционер должен быть готовым и нарушителя и преступника встретить.

Форма. Широкие брюки, куртка, фуражка, погоны, белые перчатки, свисток и таинственно скрипящая кобура. Гляжу в зеркало: я или не я?

– Смотрите, форма обязывает, – сказал генерал, которого в милиции надо звать комиссаром.

Действительно, первое чувство: огромная ответственность. Сейчас мне могут задать вопросы, позвать на помощь. Я должен откликаться немедленно. За тем и надета форма, чтобы лучше понять нелегкую службу милиции. Все должно быть по-настоящему. Любопытно, как к новой службе отнесутся знакомые?

Из знакомых первым увидел соседский Сережка. Он заорал на всю кухню:

– Дядя Вася в кино будет сниматься!

Пенсионеру дяде Яше я показал удостоверение. Он глядел на меня так, будто я только что вернулся из космоса:

– Да-а... Что же, на укрепление или в редакции не получилось?... Да-а... Ну а зарплата? Ну, конечно, послали, куда же денешься?... Сам?... Да нет работа, конечно, нужная. У меня племянник в милицейской школе – развитой парень.

Чищу пуговицы, краешком уха слышу, что говорит Вася, старший сын дяди Яши:

– Куда угодно – на стройку, сапоги шить, грузчиком – круглое катать, плоское таскать, но чтоб в милицию, с пьяными пестаться!..

Может, в Кремле поставят или в театре – человек грамотный, – думает вслух дядя Яша.

Сережка провожает меня из дому. Издали с любопытством глядит, как буду «честь отдавать» и «задерживать».

На Ломоносовском проспекте в магазине есть кофейная стойка. Два года по пути на работу я захожу в магазин:

– Кофе и бутерброд...

Продавщица знает меня в лицо. Я потрогал фуражку, поправил погоны.

– Кофе и бутерброд...

Продавщица оглядывается, бледнеет и чуть не роняет корзину с ватрушками.

– Что с вами?..

Оправилась, пробует пошутить:

– Я боязливая... А вам идет форма. – Подчеркнуто точно дается сдача, и улыбка такая, будто все покупатели – близкие родственники...

У метро первые пять вопросов:

– Как пройти в магазин синтетики?..

– Товарищ милиционер, как мне в синтетику?..

Сержант, где тут магазин?.. Ну, эти, дорогие женские рубашки?..

– Вы случайно не знаете, что там дают сегодня, в синтетике?..

– А еще в Москве есть синтетика?..

Снимаю фуражку вытереть пот. А всего лишь два часа в форме.

Я постовой. Когда держали совет, на огромной карте Москвы комиссар отыскал два квадратика:

– Ну, скажем, тут... Отделения: сорок третье и одиннадцатое. В одном месте – море людей у метро «Краснопресненская, а Шмидтовский проезд богат всякими случаями.

Итак, Шмидтовский проезд. Инструктаж – в отделении перед уходом. Стоим в ряд. Придирчивый старшина ищет стрелки на брюках, если у кого не находит – сердится и грозит. Потом даются задачи, потом телеграммы: «Из тюрьмы бежал опасный преступник. Может появиться в Москве. Приметы: высок, волосы черные, на левой руке нет половины пальца. Может иметь оружие». «Из дома ушел мальчик Королев Слава. Одиннадцать лет. Одет в зеленую куртку, брюки спортивные, черные»... В этот час перед сменой милиционеры Москвы запоминают приметы и преступника, и мальчишки, и машины с номером МОП-50–50, которую только что увели...

Если б на асфальте оставались следы от ботинок, мой путь на посту был бы похожим на букву «т» – взад – вперед по улице и в переулок. Подходит старуха:

– Милый, поди попугай!

– Что?

– Ну, попугай, сладу с мальчишкой нет...

– Бабушка, я же не для пуганья. Нельзя так воспитывать.

– Все равно, милый, немножко. Сладу нет...

За спиной голос:

– Ну где же вы?! Вы вечно не там, где надо! – кричит толстый человек с удочками
Толпа.

– Граждане, пропустите!

Где там! Плотный круг любопытных. В середине – отбивная из мотоцикла, растерянный, забрызганный грязью парень, рядом мальчишка держит руками голову – между пальцами кровь...

Скорей к телефону: «Скорую помощь!» Теперь разобраться: что же случилось?

– Он вот так ехал, машина – раз его!..

– Зачем же милицию в заблуждение... Он ехал вот так... – Показывает в противоположную сторону.

Сам парень – ни слова. Губы дрожат. Под ногами валяются размятые апельсины, бутылки из-под кефира...

Записываю фамилию парня: Николай Поляков, волочильщик завода «Пролетарский труд»...

– Граждане, кто видел, прошу рассказать... Ну, кто же?

Покосившись на карандаш, прохожие начинают спешить. Остаются две яростные женщины и человек с удочками. Они явно не видели происшествия, но с энтузиазмом готовы давать показания, какие угодно...

Стою растерянный. Выручает сам парень:

– Вот что, сержант, отведи меня куда там положено. Я выпил. Всегда – ничего. А тут прямо на шпалы. Сережку чуть не угробил...

Сережку увозит «Скорая помощь». Парня ведут в отделение. Опять толпа:

– Вот уже и повел... А что повел? На свои человек выпил. Милиция у нас...

...Опять хожу буквой «т». Прохожие. Как будто нарочно лезут под самосвалы. Одна секунда дожидаться зеленого – нет, мчатся. Вчера я и сам норовил поскорее... А сегодня вдруг вспоминаю шутку зарубежного журналиста: «Хорошие люди в Москве. Приветливые, веселые. Но куда так спешат? Гляжу из гостиницы сверху: старательно хотят попасть под автобус или хоть под такси. Это, увы, не всегда удается...»

Регулирую как могу. В кармане талоны для штрафа. Но, честное слово, не хочется штрафовать. Чуть-чуть дисциплины на улицах, и всем будет хорошо: и шоферу, и тебе, парень в красной рубашке, и мне – неприятно же штрафовать...

– Слушай, старшой. Нет, ты слушай!.. – дорогу загородил пьяный. В руке торт, в другой гаечный ключ. – Ну, выпил. А ты спроси, почему? Я бывший вор, старшой. А теперь завязал. Вот мазут, видишь мазут на рубахе? В командировки езжу, мельницы чиню. Принесешь часы – часы починю... А она обижает. Чуть что – раз, и обидит. Ну был вором. Но теперь-то – мазут. За что обижать?! Слушай, скажи ей... Не можешь. Ну, ладно. Скажи Кудрявцеву – пусть зайдет. Кудрявцев – человек. Скажи, мол, вора Кольку Мишина видел... Нельзя обижать человека!..

Записываю: «Кудрявцеву, участковому, надо непременно сходить к Мишиным». А может, и еще кому надо зайти.

...На посту, у метро подошел лейтенант:

– Сержант! Не спите? Там цветы продают... – И пошел.

Насчет цветов инструкции не было, но раз так – подхожу. Бабка. Корзина – ландыши. Прогнать? Гляжу на киоск рядом. Замок. Да если и был бы открыт, что толку – пустые горшки за стеклом. А тут заря. Нарядные девушки. В такое время как без цветов? Прошел мимо бабки, будто и не заметил. За углом, как нарочно, подбежал парнишка, взволнован:

– Товарищ! Цветы... Вот так нужно! Где продают?..

Парень купил восемь букетов и убежал. Бабка по-своему поняла ситуацию. Сует мятый рубль.

– Бабушка! А ну, проходите отсюда...

С грустью гляжу на закрытый киоск.

Что же было еще на дежурстве? Особенного – ничего. Даже великолепный свисток как следует не опробовал. Задержал мальчишку: он предлагал стаканы выпивальщикам «на троих» – за стакан гоните гривенник и бутылку. Схватил за руку – вырвался. Еще и крикнул из подворотни:

– Крючок! Крючок!

Там же его взял на уши какой-то мужчина...

Был на квартиру вызов. Видно, не первый раз разругались. Он – по зеркалу кулаком. Она – в милицию. Забрали его. Через час она прибегает:

– Отпустите. Сама виновата...

В одиннадцать смена постов. Сидим на диване возле дежурного.

– Что, ноги – хоть отруби? – участливо спрашивает старший из отделения Мосин Семен Григорьевич. – А я вот уже двадцать годков... Если все ходить и ходить – за смену километров двадцать находишь. Но больше стоишь, а стоять намного трудней. Особо зимой...

В отделении душно. Бушует какой-то пьяный. Зверьком из угла смотрит карманный воришка.

– А самое нелегкое, сынок, видеть эти вот лица... И еще: бывает, горько обидают. Иной раз пуля грозит, а тебе: «человек ты или милиционер». Обидно, что есть еще такие.

Ну как, гудят ноги? А ты вот так на скамейку, повыше... Спать теперь будешь – пушкой поднимать надо.

«Я не еду в Донбасс...»

Начальник мне очень понравился. Круглый, как колобок, веселый и разговорчивый. Фамилия Шолохов. Он говорит о рыбалке, о кинофильме «Иваново детство», он собирается купить старый автомобиль.

– Мечта. Я ведь автозаводец, мастером-хромировщиком был... Скажите, а что сейчас пишет тот, основной Шолохов?

Начальнику лет тридцать пять. Из них шестнадцать – в милиции.

– Да, вы же по нашим делам! Что ж, форма сидит как надо... Понимаете, не очень удачно выбрали отделение. Раньше тут действительно было... Народ кто откуда. Одним словом, поселок Очаков гремел. Сейчас нет, дней десять походите, может, что и случится... Будут вопросы, теребите Маковского. Он тут хозяин...

Маковский Николай – старшина. Меня представили старшине как стажера: «Все покажи, расскажи, словом, подежурите вместе».

Идем с Маковским по улице.

– Коля!.. Коля!..

Наверное, что-то случилось. У девушки растрепаны волосы, тяжело дышит.

– Думала, не догоню. Дай мне физику для восьмого.

– Как войдешь – тумбочка слева. Там – для девятого. А для восьмого – под газетой, на полке.

Девушка убегает.

– Вот тут, за ларьком, месяц назад задержал вора. Дюжину сапог утащил...

– Николай, а начальник, кажется, ничего?..

– Хороший. По-моему, всякий, если у станка постоял, на нашей работе будет на месте. С людьми даже нам не всегда надо хмуриться. Иногда улыбнись – толку в тысячу раз больше... А вот мои окна. Зайдем-ка – по чашке кофе...

Николай, как большинство молодых милиционеров, живет в общежитии. Как женился, получил отдельную комнату. У порога коляска для малыша.

– Пять дней человеку от роду, а кричит, хоть веки в отделение... Иринкой называли, Тамара, познакомьтесь. Это новый товарищ, на стажировке. Так что еще один билет держи про запас... Тамара в кинотеатре администратором... А знаете, как познакомились? Веду троих. Вы еще узнаете, как это троих приводить. «Граждане, – кричу, – помогите!» Тут – Тамара. Схватила одного из троих и со мной...

Пьем кофе...

– Николай, значит, начальник...

– Понравится! В милиции так: какой поп, такая и служба. Поглядишь, в ином отделении: начальник хмурый, злой – ну и все кругом будут такие же... В нашем деле и злость, конечно, нужна. С преступником без злости как же бороться. Но чаще каких людей встречаешь? Ну, нарушил, ну, оступился. Поправь его твердо, но вежливо – скорее поймет. Наш майор на этом стоит. Вам он тоже понравится... Меня учиться заставил. Всего в отделении шестеро учатся. Я в девятом теперь. Со мной вообще вышло забавно. После армии собрался домой, в Донбасс. И тут Шолохов: давай в милицию, кадры нужны. Я плечами пожал: зачем мне милиция? Взял он меня в оборот, часа два говорил. Вот остался... Ну что вы, разве так раньше было в Очакове! Идешь, бывало, чужой, чужой для всех. Даже не представляете, сколько надо было терпения... Батя крутой у меня. Получаю письмо: «Отец – шахтер. А ты не нашел лучше работы... Дом пустует, а сын в общежитии на холостяцкой кровати... Вот что: приеду в гости, если услышу не по имени, а «мильтоном» зовут – забираю домой! И не рыпайся.

Приехал недавно. Вместе по поселку ходили, по общежитиям. Со стороны глядел, как дежурю, с людьми, с начальником говорил. «Ну что ж, – говорит, – если уважение имеешь – работай. А может, к шахтам поближе? Дом ведь пустой. А милиция и там требуется...»

Я бы поехал, пожалуй. Да нет – к людям привык...

Опять идем по поселку. Заходим в магазины, идем к пруду, где копошатся купальщики, поднимаемся в общежития.

– Здравствуйте, Коля!

– Коля, зайдя!

Заходим на две минуты. Трое ребят пришивают к майкам белые номера...

– Слушай, как бы площадку для волейбола и пару мячей... Но ты же знаешь – наш «профсоюзный князь» тебя уважает. Поговори. Пусть не жметесь. Скажи, мол, меньше хулиганить будут ребята.

– Ну хороши вы – с милицией на профсоюз...

– Да нет, Коля. Ты без формы пойдешь... Он же тебя уважает...

– А может, проще: соберем по рублю, вот тебе свой мяч с сеткой. И дело с концом. Я тоже буду ходить на площадку...

Идем дальше.

– Друзей у тебя, Николай...

– Узнаешь постепенно, и люди тебя узнают... Случается, не в отделение бегут, а прямо домой: «Коля, пошли!» Бежишь, если и не на службе. Один раз прямо в трусах выскочил. И кто, вы думали, куролесил? Лучший приятель, Толя Синько. Осатанел с полочки. Я к нему. Он за ножик: «Зарежу!»... Ну, обезвредил как полагается... Утром приходит: «Ничего не помню...» Показал ему царапину от ножа. Глаза закрыл – стыдно...

Стоим на гулком мосту над дорогой. Рельсы белыми нитками бегут мимо зеленых и красных огней. Говорим о всяких милицейских и не милицейских делах.

– Когда на мост поднимаюсь, почему-то вспоминаю Донбасс. Может, и уеду когда-нибудь. А сейчас не могу...

Звоните – 02!

Вечером над крышей у перекрестка загораются красные буквы: «Вызов милиции. Звоните – 02!» Это адрес ваших друзей. Если покой наш нарушит плохой человек, звоните 02. Помощь приходит немедленно.

* * *

Голубая машина. Мне уступают место возле стекла, чтобы больше увидеть. Нас четверо: шофер Виктор Сиротин, лейтенант Критский Сергей, сержант Танцура Леонид и я, тоже сержант.

Тихий дождик. По мокрому асфальту ручьями плывет красный, зеленый и желтый уличный свет. В машине глазком мигает радиостанция.

– Я «Чита»... Я «Чита»... «86» – займите квадрат.

«86» – это мы, патруль по Москве. Вся Москва на карте дежурного поделена на квадраты. На карте – фигурки машин. Мы тронулись, и чья-то рука переместила фигурку. Десятки синих машин разошлись по квадратам, и в каждой – зеленый глазок и голос:

– Я «Чита»... На Павелецкой – 001.

Это условный шифр нарушения. Слышно, чей-то далекий голос ответил: «Вас понял, выезжаю немедленно».

Спускается ночь над Москвой. Все меньше прохожих, засыпают дома. Гулко шуршат колеса запоздалых машин. Гаснут последние окна. Засыпают слесари и министры, бухгалтеры и студенты...

– Сколько людей в Москве?..

– Больше шести миллионов...

– Я «Чита», «29-й». срочно... Адрес: Сивцев Вражек, 4...

В нашем квадрате спокойно. Подобрали, отвезли в отделение пьяного, за неправильный поворот указали шоферу грузовика. И опять тихо шуршит резина по зеленым и красным ручьям.

Ночь коротка. Заря зарю держит почти что за руку. Только каких-нибудь час-полтора остается для кошек. Днем не встретишь кошки на улице, ночью то и дело перебегают дорогу, зеленым глазом провожают машину...

– Я «Чита». Я «Чита»... Всем, всем... Мотороллер «Вятка», красного цвета. Задержите...

И наконец нам:

– «86-й»... Срочно – Шестая улица Октябрьского Поля. Подъезд номер девять. Чердак... Двое неизвестных...

* * *

Дом без единого огонька. В темном, как колодец, дворе ищем девятый подъезд. Сердце толчками считает ступеньки... Третий, пятый этаж... Сколько ж ступеней на этой темной, как пропасть, лестнице?! Крик. Топот шагов наверху, и сразу же тишина.

На площадке у чердака с пистолетом сержант Танцура. Перед ним человек не то растерянный, не то заспанный. Молодое лицо. Черный на красной подкладке плащ. Остроносые туфли, измятые брюки... Что там в кармане, оружие? Нет. Черный игрушечный пистолет.

– Зачем?

– Просто с детства люблю пистолеты...

В карманах пропуск в библиотеку, жевательная резинка в яркой истрепанной упаковке, книжка на английском языке, блокнот с телефонами девушек, паспорт...

Кондарев Юрий. Двадцать шесть лет. Лаборант завода. Окончил техникум. Живет на Фрунзенском Валу. В семье: сестра, мать, отчим.

– Почему здесь?..

– Ушел из дому...

– Давно?

– Четыре недели... Нет, просто так. Решил – надо жить одному...

– А если эту игрушку направить в лицо и крикнуть: Снимайте пальто!..»?

– Да, конечно... Но, поверьте, это остатки детства...

– А тот, второй, – кто он?..

– Я был один. Его не знаю. Четыре недели один... Сегодня этот подъезд, завтра еще. Спал на полу...

– Читаете по-английски?.. Ну хотя бы три строчки?.. Зачем же носите книжку?..

– Нравится и ношу...

Составляется протокол. Ответы четкие, с попыткой иронии... Кто он? Преступник? В беде человек? «Романтик-стиляга»? Это выяснят завтра. В нашей машине мигает зеленый огонь и слышен зовущий голос «Читы»...

* * *

Спят троллейбусы в длинной колонне. На трамвайных путях синяя молния варит рельсы. Пахнет горячим хлебом. По дороге на «Шереметьево» пулей промчалась машина – повезла газетные матрицы. Дождь перестал. От кустов, от асфальта поднимается пар.

– Я «Чита». Мотороллер «Вятка» задержан...

Три часа ночи. Светло. Без фонаря делаю записи.

– Сынки, дали бы закурить...

– Закуривай, Александра Терентьевна... Как, все в порядке?

Добродушная сторожиха у магазина добавляет к туману папиросного дыма.

– Споко-о-ойно. У меня надежный сосед... Миша, не замерз?!

Из тумана вырастает молоденький милиционер, отдает честь...

Все спокойно в квадрате. Белая ночь прогнала кошек. На верхушках сосен в парке запели первые зяблики... Спят еще слесари и министры, студенты, бухгалтеры и артисты. А у нас появляется сонная тяжесть в ногах. У «Читы» чуть хриловатым становится голос... Окна высотного здания позолотила заря. Сейчас пойдут на работу кондукторы и водители. Вот уже шаги за углом. Веселые, быстрые.

Трое мальчишек.

– Здравствуйте. Куда так рано?..

Под рубашками свертки, наверное, с хлебом...

– На работу...

– ?

– Мы птиц разгоняем...

– ?

– В Тимирязевской академии у профессора – особая кукуруза. Надо, чтобы не клевали на грядках... Зовут? Я – Вова Здоренко, он – Игорь Трискус, он – Вишняков Юра. Школа № 744.

– Счастливо, ребята!..

Москва просыпается. Слышно – чья-то метла заскребла по асфальту. Петух заорал. Удивительно – петух в Москве...

* * *

Очень хочется поглядеть на «Читу». В дверях здания на Петровке дежурный долго вертит мое удостоверение.

– А это вы?... Почему на карточке в штатском?..

Большая комната. Телефоны. Кнопки. Огоньки на щитах. Знакомая карта с квадратами. Седой полковник помешивает в стакане остывающий чай, листает какую-то сводку. Потом говорит в телефон, должно быть, жене.

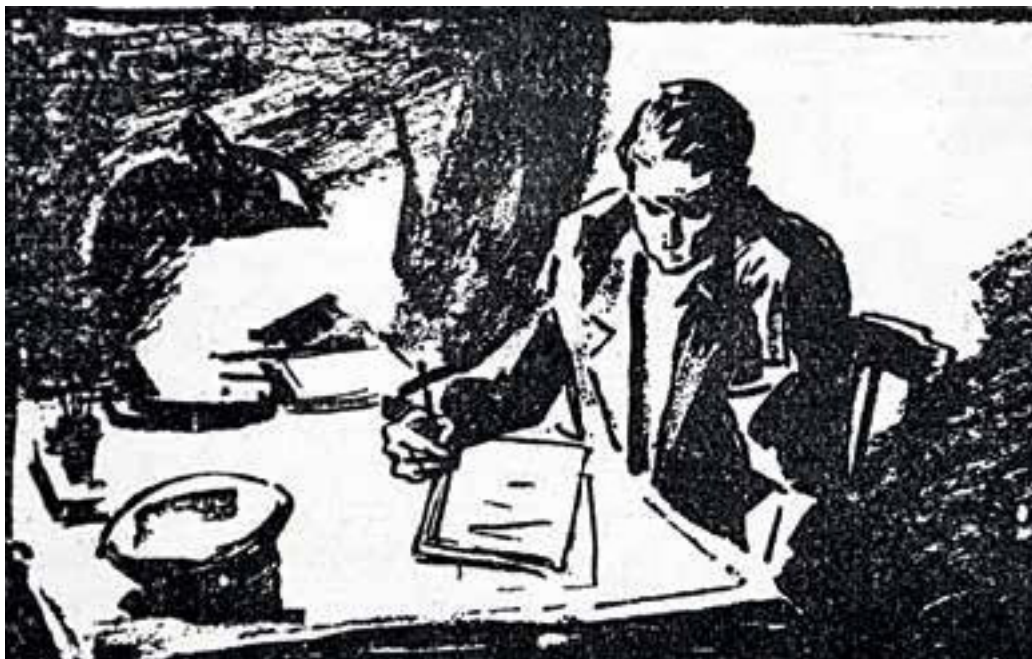
– Машенька, ну что со мной может случиться... Через час буду дома... Да, хорошо бы с вареньем...

Кладет трубку, проводит ладонью по высокому лбу:

– «Чита» – это я. Как прошла ночь?.. Сравнительно тихо. Задержаны трое грабителей...

* * *

Светло. Поют зяблики. Шумно купаются воробьи в лужах. Все спокойно. Ну а если что – звоните 02. Это адрес ваших друзей. Помощь придет немедленно.

Еще три слова о службе

Окончена служба. На табуретке сложены брюки, куртка с погонами, кобура и свисток. Завтра приступаю к обычной работе.

Что я узнал в последний день службы? У всех был отдых. Я тоже решил отдыхать: сделать покупки, сходить на пляж, а вечером – в театр. Форму не снял намеренно...

Вечер. Сажу у лампы. Надо писать, глаза слипаются от усталости – это после отдыха. Вспомнилась шинель Кузнецова Ивана Васильевича. Мне ее показали в отделении позавчера. У человека был выходной день. Он шел из гостей и говорил с женой о сынишкиных двойках. У магазина на Ярославском шоссе стояла машина. Обычное такси. Но какое-то

чувство сказало: надо проверить. Оставил жену. Подошел, приложил руку к фуражке... Из машины грянул выстрел. И только случайность спасла человека. Пуля ударилась в пуговицу, как раз против сердца, но срикошетила, и только на шинели остался рваный пахнущий порохом след.

Трое грабителей ожидают суда. Шинель еще пахнет потом и порохом. Мне и одному новичку показали ее, чтобы знали: и в выходной день милиционер – на посту.

Это действительно так. Вот как прошел выходной.

Утром у входа на ярмарку встретил знакомую.

– О, это вы, Василий?! В милиции?.. А редакции?.. – Она так растерялась, так ей неловко, косит глаза, не увидел бы с милиционером кто-нибудь из знакомых. С облегчением убегает, играя сумочкой.

На ярмарке толчея. В тесноте и оскорбить могут, и сумочку могут украсть. Случись что-нибудь – будет искать глазами милицию... На душе остается неприятное чувство. Мы говорим: моя милиция, наша милиция. И так вот относимся к нашей милиции.

А знаете ли, сколько одних только вопросов услышит милиционер за день?

– Я из Тюмени, как в Третьяковку?..

– Милый, где тут продается хрустящий картофель?..

– Товарищ милиционер, вон там ребяташки тополиный пух поджигают. Он, как порох. Может, вас послушаются...

– Слушай, где бы ведерко?.. Машину помыть. Сам же скажешь – нельзя на такой по Москве...

Ну и другие вопросы, в том числе: как проехать в Лужники, в ГУМ, на Новодевичье кладбище и в панорамный кинотеатр. Всего за день – сто четыре вопроса! На них надо было ответить вежливо, приложив к козырьку руку. Не на все, конечно, ответишь. Ответь, например, человеку, где этот адрес: «Новые дома»? В Москве появились уже десятки кварталов новых домов. Неужели трудное дело дать названия улицам? Почему надо ломать над адресом голову? И откуда такая «серийность» в названиях: Первая улица Строителей. Вторая улица Строителей, Четвертая... Или еще хлеще: Первая Парковая, Вторая... И так до шестнадцати.

На некоторые вопросы я ответить не мог и очень жалел, что рядом нет представителей Моссовета. На въездах в Москву нужны мойки. Заехал – и сразу машину под душ. Пять минут – и готово, езжай по столичным улицам чистенький и опрятный. А то ведь что за глупость – я должен остановить шофера: «Нельзя грязному ехать!», а он ко мне: «Помоги ведерко найти»...

Для тех, кому надо выехать из города, не худо бы знаки поставить, ну, скажем, на Садовом кольце. Стрелка и надпись: «На Ярославль», «На Курск», «На Рязань».

Надо подумать и о других уличных знаках. Штрафуешь шофера – остановку троллейбуса проморгал. Штрафуешь прохожего – переходит не там, где надо. «Знаки же есть!» – «Сержант, честное слово, не видел!» И в самом деле не видно. За деревьями не видно, да и не яркие, не броские знаки... Может, не штрафовать все-таки, а подумать, как лучше в больших городах мирить пешехода с растущим от года к году уличным транспортом. Это и милиционеру облегчит работу.

А милиционеру на улице много работы. Он должен преступника задержать, не пройти мимо нарушений и беспорядков. Он должен помочь старухе перейти улицу, остановить мальчишек, которые «пух поджигают». Он должен «реагировать», если лопнула водопроводная труба или если на пляж в Серебряный Бор на тридцать тысяч человек привезут одну бочку кваса. Милиционер всегда на посту, если у него даже и выходной день.

* * *

Нелегкая служба в милиции. Может, поэтому не всегда охотно идут служить молодые ребята? Да, кое-кто не хочет трудностей и уходит. Но некоторые из молодых, поработав полгода-год, уходят с откровенным заявлением: «Мала зарплата».

Мы в нашем большом хозяйстве ведем счет каждому рублю и копейке. И все-таки о милицейской зарплате надо подумать. Необязательно искать новые суммы. В том же кошельке милицейских расходов надо кое-что пересмотреть. Надо думать о тех, кто начинает трудную службу. Надо заботиться, чтобы не «от некуда деться» приходили люди в милицию. Умные, смелые и грамотные ребята должны пополнять милицейские кадры.

Но, конечно же, дело не только в зарплате. Моя знакомая застыдилась, когда узнала, что я в милиции. В первый день «службы» бабка позвала меня поугагать малыша. Вспомните любое кино с участием милиционера – обязательно выведен дураком. Есть ли в милиции дураки? Дурака можно найти в любом учреждении. Не надо терпеть дураков. Но надо заботиться о чести, об авторитете людей, которых называем: наша милиция. Без нашего уважения милиционер, так же как и педагог, – не работник. Мы, как говорится, должны быть взаимно вежливы. И первая дань уважения милиции – наша помощь. Ведет милиционер хулиганов. Их двое. Он один. Не проходите мимо, помогите, не считайте: «Это его работа».

За пять дней «службы» вечерами в отделениях я перебирал милицейские протоколы. Я не встретил упоминаний о бандитских и воровских шайках. Не так уж часто бывают убийства и грабежи. Но каждый день на столе у дежурного вырастает стопка протоколов о хулиганстве. Точно подсчитано: девяносто девять из ста хулиганских проступков совершаются в опьянении. Значит, точно известен враг № 1. Боремся с ним? Плохо. В лучшем случае подойдем к постовому: «Вон там валяется, заберите». И милиционер «забирает» – тащит чуть ли не на плечах в отделение, в вытрезвитель. Милиция – вроде уборщика мусора. А нельзя ли нам всем сообща не сорить, сообща бороться за чистоту в нашем доме. И, конечно, надо уважать человека, который и ночью, и днем, и даже в выходной день – всегда на посту. Он служит нам с вами. Ради нашего с вами покоя не спит человек, ради нашей жизни рискует своей. Давайте уважать пока что очень нужную службу этого человека.

* * *

Двенадцать ночи. В открытое окно слышно: на соседнем балконе девичий голос поет «Тишину». Проехал мотоцикл. Наверно, патрульный, может быть, даже мой новый знакомый – сержант Володя Калинин... Луна через окно освещает милицейскую форму на табуретке. Синеватым блеском горит полоса на погоне... Чей-то голос возле подъезда... И опять мотоцикл. Это, наверно, Володя Калинин...

8–12 июля 1962 г.

Случай в Карловке

В газете был напечатан репортаж «Сержант на посту». Он рассказывал о милиции, о хороших людях, стерегущих наш труд и покой.

Сотни писем пришли в редакцию. «Хорошо, что сказали доброе слово...» Так пишут школьница и рабочий из Горловки, так пишет группа милиционеров из города Желтые Воды. Московский конструктор, колхозник из Воронежской области, жена капитана милиции из Вильнюса и много других людей проявляют хозяйскую заботу о нашей милиции. Письма рассказывают о подвигах на посту, о спасении ребенка, о скромности и благородстве людей милиции. Но вот одно письмо... Оно заставило бросить дела и немедленно ехать в Полтаву.

Слесарь Василий Чужбенко получил отпуск и поехал в Карловку к родственникам. Помог бабке вскопать огород и вечером пошел на вокзал – вернуться в Полтаву. Дожидаясь очередного поезда, зашел в чайную. Попросил кефир и печенье. За стол к нему сел милиционер. Тоже попросил кефир и печенье. Поговорили о погоде и разошлись. Милиционер – на службу, Василий вышел из чайной на улицу.

Отсюда начинается история, которую без возмущения ни слушать, ни рассказывать невозможно. Подошли двое в штатском:

- Мы из уголовного розыска. Ваши документы.
- У меня только заводской пропуск.
- Пройдем...

В крошечной проходной во двор чайной сторож заставил окно фанерой и засветил лампочку. Двое в штатском начали обшаривать карманы. Ничего, кроме заводского пропуска, не нашли.

– Зачем приехал?... К родственникам?... Брешь, сволочь, ни к Нинке приехал... Ну-ка позови Нинку...

Сторож вышел. Двое погасили свет.

- За что?!
- Мы тебе покажем, за что!

Высокий в штатском ударил кулаком по голове, потом много раз подряд бил ребром ладони по шее. Потом схватил за волосы и бил головой об стену...

- Вы за другого, наверное, приняли!.. Я комсомолец, дружинник!..

Сторож привел буфетчицу Нину.

- Вы его знаете?
- Нет. Первый раз вижу.
- Ты ее знаешь?
- Нет. Видел, стояла за буфетом...

Нина ушла. Грязно ругаясь, высокий в штатском снова схватил Василия за волосы... Потом открыл дверь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.